

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

У императора
Павла Первого был
мальтийский крест,
защищающий его
от всех невзгод...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

**Мальтийский крест
Павла Первого**

Наталья Николаевна Александрова
Мальтийский крест
Павла Первого
Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68721633

Мальтийский крест Павла Первого : [роман] / Наталья Александрова:

Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-179143-8

Аннотация

Павел Первый владел перстнем с мальтийским крестом и самим крестом, который якобы охранял императора от любых неприятностей. Император им дорожил и прятал в своем замке, пока однажды не потерял...

В наше время журналистка Вера получила задание написать о выставке восковых фигур в Михайловском замке. Но вместо фигуры Павла Первого она обнаружила труп хранителя музея, а в ванной комнате – загадочное кольцо с крестом. Не раздумывая, она прихватила его с собой, а после этого за Верой началась настоящая охота...

Получится ли у скромной и застенчивой журналистки уйти от преступников и разобраться, кому и с какой целью потребовалось

это кольцо? Читайте в приключенческом детективе Натальи Александровой!

Наталья Александрова

Мальтийский крест

Павла Первого

© Александрова Н.Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Maksim Shmeljov, mrahyzicioglu / Shutterstock.com

* * *

– Осторожно, здесь ступеньки! – предупредил меня провожатый. И, несмотря на это, я все же споткнулась и чудом не свалилась в лестничный пролет. Хорошо, что в последний момент меня поддержал заботливый Порфирыч.

Ну да, лишний раз убеждаюсь, что мама права, до чего же я неловкая, несуразная, не приспособленная к жизни...

– Император очень любил всевозможные потайные ходы, секретные комнаты, скрытые двери... – вешал тем временем мой спутник, спускаясь по лестнице. – Прежнее руководство музея не открывало эту сторону замка для посетителей, а мы решили, что это многим будет интересно, это привлечет широкую публику... Наглядность, так сказать... – Он негромко хмыкнул.

Замыкавшая шествие пожилая хранительница что-то недовольно проворчала – видимо, у нее на этот счет было особое мнение. Замдиректора музея бросил на нее взгляд через плечо и тут же отвернулся. Старушка ничего не заметила, но я-то была рядом и увидела, как в его взгляде промелькнуло недовольство и даже презрение – мол, молчала бы, кошелка старая, тебя тут терпят из милости, а ты еще выступаешь...

Этот тип сразу мне разонравился. Не могу сказать, что этот Иван Антонович понравился мне при встрече, мне вообще мало кто из людей нравится с первого взгляда. Я – робкая, некоммуникабельная, плохо схожусь с людьми, у меня нет близких друзей, и даже просто приятелей нету. Это мама так считает, и она абсолютно права.

Так вот, сколько таких взглядов я ловила на себе с некоторых пор, лет с двенадцати. Такое легкое презрение – мол, что с тебя взять, никому ты не пожадуешься, да кто тебя слушать станет...

Стоп! Не давать ходу воспоминаниям, не допустить паники. А то можно на глазах у всех и с лестницы наверхнуться.

Винтовая лестница сделала несколько оборотов и уткнулась в неприметную дверцу. Провожатый – теперь не хотелось называть его по имени-отчеству, и вообще не хотелось с ним общаться – остановился и окликнул хранительницу: – Леокадия Львовна, откройте нам!

Хранительница что-то проворчала, достала ключи, от-

крыла дверцу и отступила в сторону:

– Заходите...

И снова музейный начальник заговорил своим хорошо поставленным голосом:

– Мы с вами пришли в ту самую спальню, где был убит несчастный император...

Комната была большая, темноватая. Мебели для такой комнаты было маловато – как видно, та, что была во время убийства Павла Первого, не сохранилась. Был там письменный стол красного дерева, кресло, какие-то шкафчики по углам, справа – большой камин, отделанный итальянским мрамором.

Ах да, читала же я, что Павел так хотел переехать в свой новый дворец, что не стал ждать, когда стены просохнут. Дело было зимой, в помещениях стояла ужасная сырость, так что камины топили постоянно. Сейчас, разумеется, камин не горел.

Я привычно прислушалась к себе. Все вроде бы в норме: комната достаточно просторная, потолок высокий, дверь широкая, двустворчатая... А я что думала: что император всея Руси в кладовочке какой-нибудь будет спать на раскладушке? Да, хорошо жили цари...

Тут я вспомнила, чем все закончилось для Павла Первого, и устыдилась.

Итак, есть надежда, что со мной сегодня все будет в порядке, я сделаю этот репортаж, то есть напишу несколько строк,

которые будут удачным дополнениям к фотографиям, которые уж точно будут хорошими, раз со мной такой профессионал.

Первым в комнату вошел Порфирыч со своим оборудованием. Он огляделся по сторонам и озабоченно проговорил:

– Темно здесь... фотографии не получатся...

– А мы сейчас свет организуем... – Провожатый снова повернулся к пожилой хранительнице: – Леокадия Львовна, сделайте нам свет!

Старушка пошарила рукой по стене, щелкнула выключателем, и спальня Павла Первого осветилась тусклым, зловещим светом от спрятанных за портьерами ламп.

– Вот здесь в ту роковую мартовскую ночь...

Я вошла в комнату и увидела страшную, впечатляющую картину – несколько рослых, представительных мужчин в расшитых золотом камзолах и мундирах восемнадцатого века сгрудились вокруг одного, лежащего на полу – маленького, жалкого, несчастного, бесконечно одинокого, в забрызганном кровью полотняном камзоле и ночном колпаке...

Один из заговорщиков держал в руке окровавленную табакерку, другой занес ногу в щегольском сапоге, чтобы пнуть уже мертвого императора еще раз...

Надо же, восковые фигуры, а как живые! И на лицах – ненависть, злоба, у одного – страх...

Я шагнула ближе, пригляделась к жертве заговора.

Лицо его было разбито, кровь – на колпаке, на воротнике

камзола, на полу... но как реально он выглядит!

– Господи, до чего же натурально! – пискнула хранительница, выглядывая из-за моего плеча и словно подслушав мои мысли. – Даже страшно... а Павел... император... как он на нашего Верещагина похож! Как похож!

– Не говорите глупостей! – привычно осадил ее заместитель директора. – Авторы композиции добивались портретного сходства с императором, а ваш Верещагин ни при чем...

– А кровь-то настоящая! – проговорил вдруг Порфирьич. Он наклонился над неподвижным телом, осторожно дотронулся пальцами до окровавленного воротника, посмотрел на них, даже понюхал, и продолжил:

– Точно, настоящая! И еще не высохла... Я третьего дня работал на ДТП со смертельным исходом, на Мурманском шоссе, там тоже крови было – ужас... и запах точно такой же!

– Что вы такое говорите... – привычно возразил заместитель директора и тоже склонился над лежащим.

Лицо его странно переменялось, он побледнел и пролепетал неуверенно:

– Что же это...

А пожилая хранительница опустилась на колени, схватила окровавленную руку императора... или вовсе не императора, воскликнула ненатуральным высоким голосом:

– Александр Павлович! – И тут же завалилась на бок и потеряла сознание.

– Вот этого не надо! – вскрикнул заместитель директора. –

Только этого нам не хватало, обмороков всяких!

Я почувствовала, что мне тоже хочется упасть в обморок – лежишь себе спокойно, ни о чем не думаешь... не думаешь о том, что наверняка провалишь редакционное задание...

Но тут боковым зрением я заметила, что Порфирийч деловито фотографирует все – и полутемную спальню, и толпу восковых заговорщиков, и труп на полу...

Потому что на полу действительно лежал труп.

Никакая не восковая фигура несчастного невинно убиенного императора Павла Первого, а труп, если можно так выразиться, живого человека.

Когда очевидность этого факта дошла до меня, я в ужасе метнулась прочь от окровавленного трупа, налетела на столбик, поддерживающий балдахин императорской кровати.

Забыла сказать, в противоположном от камина углу находилась кровать – огромное, внушительное сооружение с высокими спинками и балдахином. И сама кровать высоченная, так что низенькому императору, небось, приходилось скамеечку подставлять, чтобы на нее залезть. Впрочем, он спал на ней недолго...

И вот, когда я налетела на кровать, столбик подломился, балдахин упал на меня, и на какое-то время я оказалась в пыльной душной темноте, от этого еще больше перепугалась, закричала и замахала руками...

Ко мне словно вернулся тот день в далеком детстве, тот день, когда мне... когда мне пришлось... да нет, даже сейчас,

через столько лет мне не хотелось это вспоминать. Но мое несчастное запуганное сознание сделало это за меня.

Сердце забилося в каком-то неровном, немыслимом ритме, дыхание перехватило. Я закусила губу, чтобы справиться с паникой, попыталась сбросить пыльную тяжесть балдахина, но только еще больше запуталась в нем, рванулась вперед и вверх, и тут на меня еще что-то упало, и по голове, по волосам, по лицу потекло что-то отвратительно липкое...

Господи, за что мне это! Что я всем вам сделала!..

Я хотела закричать, но, как тогда, много лет назад, горло перехватило мучительным спазмом, и не то что кричать – я не могла толком даже вздохнуть. И тут накатил жуткий страх, что сейчас я просто перестану дышать – и умру.

Тут где-то рядом раздался добрый ворчливый голос Порфирыча:

– Подожди, Верунчик, не трепыхайся, сейчас я тебя оттуда высвобожу... да не дергайся ты, ты мне так только мешаешь!

Легко сказать – не трепыхайся!

Я чувствовала себя как рыба, выброшенная на берег. Вот сейчас, сейчас... я просто не смогу больше сделать ни одного вдоха и тогда... тогда все кончится...

Но тут в темном коконе образовался просвет, я смогла наконец вдохнуть и увидела славное круглое лицо Порфирыча. Сердце потихоньку успокаивалось, воздух в этой темной комнате показался мне таким свежим, как будто я сижу с

чашкой кофе под полосатым тентом и смотрю на утреннее море.

Я готова была расцеловать старого фотографа.

– Порфирьич, миленький, спасибо...

– Да что ты, что ты! – Он осторожно высвобождал меня из пыльного кокона балдахина и вдруг удивленно отстранился – Ох ты, что это у тебя с головой?

– А что такое?

Вместо ответа он протянул мне маленькое зеркальце (у Порфирьича всегда под рукой находится все, что нужно).

Я взглянула в зеркальце...

Собственное отражение меня никогда особенно не радовало – бледное лицо, вечно испуганные глаза, редкие, словно выгоревшие брови. Как говорит мама – бледная немочь, зеленое привидение. Но сейчас я превзошла саму себя.

Мои волосы были покрыты какой-то осклизлой зеленоватой субстанцией, они слиплись и превратились в противные зеленые сосульки, свисающие по сторонам лица.

Волосы у меня средней длины, потому что мама говорит, что такое безобразие нужно скрывать, то есть убирать в хвост, а лучше – в узел. Вот я и убираю их в кичку, чтобы не мешали и не лезли в глаза.

Теперь же от возни под балдахином резинки свалились, и на голове моей четко просматривалось самое настоящее воронье гнездо. Причем не весной, а в конце лета, когда птенцы уже вылетели из гнезда, и оно брошено и не прибрано.

– Господи, что это? – выдохнула я в ужасе.

– Это, видимо, рабочие клей оставили, – деловито сообщил заместитель директора. – Торопились закончить инсталляцию и не убрали за собой... я им поставлю на вид...

Я почувствовала, что последние силы оставляют меня, и опустилась прямо на пол.

Ну за что, за что мне это?

А ведь начинался этот день не так уж плохо, не хуже, чем любой другой. А может, и лучше.

Я пришла на работу, как всегда, одной из первых, забила в свой уголок и тихонько принялась редактировать очередную статью.

Работаю я в маленькой, мало кому известной еженедельной городской газете, которая называется по имени одной из главных рек нашего города – «Мойка».

Не знаю, кто придумал это название, – наверное, тот небожитель, который платит нам зарплату и при имени которого главный редактор Бурнус в религиозном экстазе поднимает глаза к потолку. Но только где ни назовешь место своей работы – непременно тут же найдется записной остряк, который переспросит: «Как, вы сказали, называется ваша газета? Помойка?»

Дошло уже до того, что и сами сотрудники газеты стали так ее называть. Где ты работаешь? В «Помойке»!

Меня, честно говоря, эта работа устраивала. До нее я по-

пробовала работать в школе и выдержала только два дня. Входить в класс, полный отъявленных тринадцатилетних разбойников, оказалось страшнее, чем в клетку с хищниками.

После школы я устроилась в районную библиотеку, там в читальном зале хотя бы тихо, но была, к сожалению, очень активная заведующая, которая устраивала какие-то литературные вечера, коллективные чтения и обсуждения книг, потом организовала книжный клуб, и в библиотеку зачастили какие-то сомнительного вида небритые и нестриженные писатели...

Собирались они по вечерам, тогда для обычных читателей библиотека была закрыта, но ведь кто-то же должен был их стеречь, а потом закрывать помещение. И для этого заведующая выбрала, конечно, меня, потому что самой сидеть допоздна было неохота, а остальные сотрудники сумели вовремя отговориться, кто – вечерними курсами, кто – маленькими детьми или еще чем-нибудь.

Писатели шумели, бесконечно выбегали курить на улицу, хлопали дверьми, ссорились по литературным вопросам, потом просто ссорились, потом выпивали мировую, после чего начиналась у них самая обычная пьянка.

Выгнать их удавалось только поздним вечером, когда заканчивалось спиртное. Да еще оставляли они после себя форменный свинарник – это в библиотеке-то. Увидев среди членов клуба пару-тройку женщин, я решила, что они хоть

за порядком проследят. Да куда там! Тетки оказались еще круче мужиков в смысле выпивки.

В общем, мне же еще приходилось разгребать после них, а утром заведующая ставила на вид, заметив пустые бутылки, спрятанные в угол. В общем, после третьего раза я не выдержала, а поскольку писательский клуб собирался раз в неделю, то получается, что я и месяца в библиотеке не отработала.

После библиотеки я попыталась устроиться администратором в зубную клинику, но туда брали только девушек с прекрасными зубами, которые могли служить живой рекламой. У меня вроде тоже не клыки и не вставная челюсть, но менеджеру клиники отчего-то зубы мои не понравились.

Мама поддерживала меня, как могла, каждый раз утешала – что ж делать, говорила она, такая уж ты невезучая уродилась, надо смириться. Предлагала даже бросить это дело и жить вместе на ее пенсию. Она не работала никогда. Пока был жив отец, он нас содержал, после его смерти мать оформила себе пенсию по инвалидности. Пенсия, конечно, небольшая, но отец оставил нам какие-то средства, так что на жизнь хватает, как говорит мама. Однако мне совестно было сидеть дома, опять-таки диплом может пропасть.

Промыкавшись так примерно год, я устроилась в эту самую газету «Мойку-Помойку» помощником редактора. Денег, конечно, маловато, зато спокойно, никто никуда не дергает, никто ничего особенного не поручает. Газета малень-

кая, сотрудинок – кот наплакал, да еще половина всегда в разбеге – сенсаций ищут. Находят, но редко. По всему получается, что газета наша убыточная, но мне-то что, я – человек маленький. Ну разорится газета, буду искать другую работу. Но вообще не хотелось бы...

Итак, сегодня утром я тихонько сидела в углу редакционной комнаты и правила статью. Статья была посвящена работе городских библиотек. Хорошо знакомая мне тема. Написала ее наша звезда Алиса Алешина, и на этот раз она превзошла саму себя. Автором «Муму» у нее оказался Некрасов, а строчки «Однажды в студеную зимнюю пору» она считала фрагментом из Евгения Онегина.

Только я поправила эти досадные недочеты, как открылась дверь редакторского кабинета и прозвучал сиплый, как всегда раздраженный голос Бурнуса:

– Вороновская, зайдите ко мне!

В первый момент я подумала, что ослышалась. Сколько я работаю в «Мойке», Бурнус ни разу не называл меня по имени. Или по фамилии. Я думала, что он понятия не имеет, как меня зовут. И вообще не подозревает о моем существовании.

И это, опять-таки, меня вполне устраивало.

Итак, я подумала, что ослышалась, и продолжила править статью. Но тут Натэлла Васильевна, наша старейшая сотрудница (и вреднейшая, как обычно, добавляет Порфирыч), подала голос:

– Вера, ты что, не слышишь? Тебя Главный зовет!

Она произносит титул Бурнуса именно так – сразу ясно, что с большой буквы. Прямо как сам Бурнус произносит имя нашего учредителя. То есть произносит он его мысленно, при этом закатывая глаза, чтобы мы поняли, какой это могущественный человек. Отчего-то этот Великий и Ужасный требует, чтобы его имя держали в секрете. Тут Бурнус держится стойко, как партизан на допросе, поскольку имени этого не знает даже Натэлла Васильевна, а скрыть что-нибудь от нашей старейшей сотрудницы дело почти невозможное. Но вот Бурнусу удалось.

Я вскочила, уронив на пол чашку (к счастью, она не разбилась), и вбежала в кабинет Бурнуса.

– Платон Яковлевич, вызывали?

Бурнус оторвал взгляд от экрана компьютера, поправил очки и уставился на меня:

– Да, Вороновская. Поедешь сейчас в Михайловский замок...

– Куда? – переспросила я, подумав, что ослышалась.

– В Михайловский. Он же Инженерный. На Садовой улице... Знаешь, такое здание розовое... там еще статуи и памятник перед ним Петру Первому, написано на нем... – В голосе Бурнуса послышались издевательские нотки.

– Я знаю, что написано на памятнике, – робко прервала я Главного. – Но зачем мне в замок?

– У них там открывается новая инсталляция. Созданная

из восковых фигур сцена убийства императора Павла Петровича. Мы позиционируем себя как газету для образованных горожан, а образованные горожане должны быть в курсе таких событий. Так что возьмешь Порфирыча, поедешь туда и сделаешь небольшой репортаж. Полторы-две тысячи знаков, с фотографиями.

– Но почему я?

– А потому что больше некому! – честно ответил Бурнус. – Алешина освещает выставку декоративных кроликов, Мило-славская, как всегда, возится с детьми, а Акулов в очередном запое. Так что, кроме тебя, действительно больше некому.

– Есть еще Натэлла Васильевна... – едва слышно проговорила я, но Бурнус даже не счел нужным отвечать, только взглянул на меня весьма выразительно. И то верно: нашу Натэllu никуда послать невозможно. Не то чтобы она была так тяжела на подъем, но считает, что не ее это дело – бегать по городу. Она напишет какую-нибудь статью, взяв материалы из интернета, да и ладно.

– Но я никогда не готовила репортажи! – слабо запротестовала я. – Я только редактировала и правила чужие материалы...

– Вот и пора начинать! Лучше поздно, чем никогда! Не будешь же ты всю жизнь сидеть на правке и редактуре!

Я хотела сказать, что вообще-то не против. Правка и редактura – самое то, сидишь себе в тихом уголке и ни с кем не общаешься... что еще нужно человеку?

Но Бурнус уже снова прилип к своему компьютеру, так что мне ничего не оставалось, как отправляться на задание.

– Не бойсь, – шепнул мне наш редакционный фотограф Порфирыч, – не боги горшки обжигают. И вообще, будешь за мной как за каменной стеной.

Я приободрилась и села к нему в машину. Порфирыч – дядька немолодой, но специфического вида. Всегда в старой джинсовой куртке со множеством карманов, на голове бандана или кепка козырьком назад. На шее – две камеры, на поясе – еще что-то. Работает не только в нашей газете, но еще в трех местах, иногда выставляет свои снимки в журналах. А раньше, когда был помоложе, ездил снимать в горячих точках. Хороший дядька, никакого подвоха от него не жду.

Словом, ничто не предвещало грядущих неприятностей.

И вот чем все закончилось!

Я сижу на полу в спальне несчастного императора, и на голове у меня вместо волос мерзкие зеленые сосульки! И пахнет отвратительно.

Порфирыч с сочувствием оглядел меня, снял со своей головы бандану в черепах и протянул мне:

– Вот, повяжи голову, как-нибудь доберешься до дома...

Тут подала голос сопровождавшая нас хранительница, Леокадия, кажется, Петровна... хотя нет, Львовна. Вот интересно, я сама видела, как она грохнулась в обморок возле трупа. И пока я сражалась с пыльным балдахином, бабуля

самостоятельно пришла в себя и даже костюмчик свой серенький образца одна тысяча девятьсот восьмидесятого года успела почистить. Да, старая гвардия никогда не сдается!

– Можете сюда зайти, здесь туалетная комната императора. – Леокадия тронула меня за рукав и показала неприметную дверь, скрытую за малиновой бархатной портьерой.

Я скоренько юркнула туда и перевела дыхание, не успев испугаться очередного замкнутого пространства. Но очевидно, что только что пережитый приступ купировал следующий, у организма просто не было сил снова впасть в панику. В общем, не было звона в ушах и пелены перед глазами, сердце не забилося в бешеном ритме, дыхание не перехватило – словом, все обошлось.

В этой комнате я хотя бы была одна... Никто не пялился и не показывал пальцем.

Думаю, вы уже догадались, что кроме клаустрофобии я не могу терпеть, когда на меня обращают внимание. Не могу выступать на сцене, не могу делать сообщение или доклады перед целым залом, набитым людьми, вообще не могу говорить, когда меня слушают больше двух человек. Ну или трех. Мама меня понимает. Хотя раньше она так не считала. Но об этом потом.

Я оглядела комнату. Это было небольшое помещение, где имелся фарфоровый умывальник, овальное зеркало в золоченой раме и кресло с резными подлокотниками и бархатной обивкой, назначение которого я определила, увидев круглое

отверстие в сиденье.

Я подошла к этому зеркалу и еще раз внимательно оглядела себя...

Если я надеялась, что в этом зеркале отражение будет не таким ужасным – моим надеждам не суждено было сбыться.

Как говорил незабвенный мультяшный ослик Иа-Иа – душераздирающее зрелище.

Кстати, этот ослик – мой любимый киногерой. К нему я чувствую искреннюю симпатию. Видимо, я нахожу в нем близкую, родственную душу.

Так вот, из зеркала на меня смотрело существо, которому больше всего подошло бы название «кикимора болотная».

Я кое-как подобрала осклизлые зеленоватые пряди и обернула их банданой. Спасибо Порфирьичу – если как следует закрепить бандану, этого зеленого ужаса не видно.

Правда, я стала похожа на начинающую рокершу, но это, в конце концов, не страшно.

Я еще немного поработала над банданой, закрепила ее, вытерла мокрое лицо салфеткой и хотела уже вернуться к остальным, как вдруг у меня возникло странное и неприятное ощущение – как будто кто-то смотрит мне в спину.

Я зябко поежилась и обернулась – кроме меня, в туалетной комнате никого не было.

Снова повернулась к зеркалу...

И опять почувствовала спиной чей-то пристальный взгляд.

Да что же это такое!

Мама говорит, что я очень мнительная, что я все время что-то выдумываю... может быть, и сейчас я себя просто накручиваю?

На этот раз я не стала оборачиваться. Наоборот, я приблизилась к зеркалу и пристально вгляделась в него.

В комнате было полутемно, и мне показалось, что в этой полутьме у меня за спиной бесшумно прошел человек в старинном камзоле и пудренном парике, с горящей свечой в руке...

Я моргнула – и человек исчез.

Я повернулась и вгляделась в ту часть комнаты, где я только что его видела.

Конечно, там никого не было.

Показалось.

И тут я увидела на стене надпись.

Надпись была сделана чем-то красным – неужели кровью?

Состояла она из двух слов:

Долгота дней.

Я вспомнила Порфирыча и принялась к красным буквам.

Они пахли не кровью (хотя я понятия не имею, как пахнет кровь).

Но эти буквы определенно пахли какой-то химией – то ли ацетоном, то ли каким-то другим растворителем. Значит, краска, а не кровь. Но если вы думаете, что мне от этого ста-

ло легче, то глубоко ошибаетесь. Глядя на эти буквы, я почувствовала, что на меня накатывает странное чувство. Не паника, нет, и не страх.

Это было... это было что-то необычное, как будто я стою перед очень высокой и непрозрачной стеной и знаю твердо, что там, за ней, совершенно другой мир. И даже не мир, а все другое, такое, что и представить нельзя. И я никогда этого не увижу, да, может, и не надо. И вдруг в этой стене открылось маленькое окошечко. Оно настолько мало, что и разглядеть-то ничего нельзя в этом потустороннем мире, но я втягиваю носом воздух оттуда и понимаю, что это что-то необычное, что человек может там оказаться, но вот возвращаются оттуда единицы...

Я попятилась и уперлась рукой о фарфоровую раковину. И под руку попало что-то маленькое и круглое. Я повернулась, с трудом отведя глаза от надписи, и увидела, что в руке у меня кольцо. Точнее перстень. Довольно большой, на мужскую крупную руку. Перстень был с виду простой, светлого металла, похоже на серебро. А вместо камня плоский овал, на котором выгравирован крест. И не простой, а мальтийский, уж крестов этих я в Михайловском замке навиделась, могу отличить.

Я зажала кольцо в кулаке и выглянула из туалетной, окликнув Порфирыча:

– Посмотри, что здесь!

Порфирыч уловил волнение в моем голосе и с провор-

ством, неожиданным при его возрасте, влетел в туалетную.

– Ну, что здесь у тебя?

– Вот, посмотри... – Я шагнула к тому месту стены, где увидела странную надпись.

Но там ничего не было.

Стена была чистой.

Я отступила в сторону, посмотрела правее, левее – никакой надписи не было.

– Порфирьич, но я только что видела здесь, на стене, надпись... честное слово, я не выдумываю...

– Какую надпись? – с живейшим интересом спросила Леокадия Львовна, которая, оказывается, тоже просочилась в туалетную и теперь в волнении смотрела на меня.

– Здесь, на стене, была надпись... чем-то красным...

– Кровью? – Глаза Леокадии вспыхнули.

– Да нет, по-моему, какой-то краской...

– Краской пахнет, – подтвердил Порфирьич, принявшись к стене. – Но где же надпись?

– Исчезла... – протянула я виновато.

– А что было написано?

– Что-то странное... широта дней... нет, не широта – долгота. Точно – долгота.

– Долгота дней?! – повторила за мной Леокадия Львовна. – Вы уверены?

– Да, точно – долгота дней... именно так... а что? Эта фраза вам что-нибудь говорит?

Но она вместо ответа спросила с жадным любопытством:

– А больше вы ничего не видели?

– Видела... – ляпнула я не подумав и тут же расстроилась – сейчас меня поднимут на смех. Говорит же мама – мне лучше лишний раз промолчать...

Но слово – не воробей. Леокадия Львовна приступила ко мне с тем же жадным любопытством:

– А что? Что вы видели? Или кого?

– Человека... мужчину со свечой...

– Это он, он! – выпалила Леокадия и схватила меня за руки. – Это император! Он часто появляется в этой части замка, правда, обычно по ночам. Или поздно вечером, когда стемнеет. Многие наши сотрудники его видели!

– Леокадия Львовна! – строго произнес появившийся в дверях замдиректора.

– Что – Леокадия Львовна? – огрызнулась хранительница. – Я уже... не будем уточнять, сколько лет Леокадия Львовна!

– Не нужно распускать эти недостоверные слухи! Девушка подумает, что у нас в музее рассадник мракобесия!

– Это не слухи! И никакое не мракобесие! У нас почти все его видели! И даже знают, что делать, когда встретишь призрак императора! Нужно подпрыгнуть на левой ноге и сказать: «Доброй ночи, ваше императорское величество!» И тогда он уйдет!

– Ну и ну! – замдиректора даже растерялся от такого на-

пора.

А я представила Леокадию Львовну, прыгающую на левой ножке, и приснула.

Порфирыч взглянул на меня заботливо и проговорил с видимым облегчением:

– Ну, слава богу, ты вроде отошла... поедem уж отсюда, я немного поснимал...

– Стойте! – опомнился замдиректора. – Куда же вы? Сейчас полиция приедет, я вызвал! Ведь все же у нас труп...

– Это у вас – труп, – тут же откrestился Порфирыч, – а мы к вашему трупу не имеем отношения! Когда мы приехали, он уже был мертвый, причем давно, с ночи.

– Откуда вы знаете? – рассердился замдиректора.

– Ох, милый... – по-свойски ответил Порфирыч, – да я при моей работе за всю жизнь столько трупов перевидал – тебе и не представить... Так что мы уж лучше поедem, потому как полицию ждать – долгое дело. Они на труп никогда не торопятся, считают, что покойнику уже все равно, торопиться некуда...

Замдиректора все-таки взял у него визитку с номерами нашей газеты и остался ждать полицию в полном одиночестве, потому что Леокадия Львовна тоже под шумок испарилась.

Когда мы вышли из замка и прошли по мостику над зеленой зацветающей водой крепостного рва, я наконец обрела

дар речи:

– Бурнус меня убьет. Первый раз поручил самой сделать репортаж – и я все провалила. Но кто мог думать, что случится такое!

– Да что ты! Наоборот, все гораздо интереснее! Подумаешь – открытие новой музейной инсталляции! Кому это интересно, кроме двух-трех старушек! А вот убийство в музее – это уже другое дело... это сенсация, и ты первая на месте происшествия!

– Ты думаешь?

– Я уверен! А если ты как следует это подашь, да проведешь настоящее журналистское расследование... ты прославишься, точно тебе говорю! Сделаешь себе имя!

Честно говоря, я никогда не мечтала о славе. Ближе всего мне слова Пушкина: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...» Вот о чем я всегда мечтала – о покое и воле.

– Ну что, мы сейчас в редакцию? Надо же отчитаться...

– Да ты что? – Порфирыч взглянул на меня удивленно. – Ты не забыла, в каком ты виде? Я отвезу тебя домой, и ты приведешь свою голову в порядок! А я пока снимки отпечатаю...

– Не смотри! – Я стянула бандану и погляделась в зеркальце. Вид был до того ужасен, что и не подобрать слов. От банданы волосы еще больше слиплись и начали подсыхать. Кожу на голове стянуло.

Я представила, как появлюсь дома в таком вот виде, как

проведу вечер в ванной, а мама будет суетиться вокруг и пытаться отмыть клей. Горячая вода его точно не возьмет, если только растворителем... но тогда волосы вообще могут вылезти, и я стану лысая... И мама будет меня утешать – ничего, мол, такая уж у тебя судьба, нужно смириться...

Нет, это выше моих сил! Есть только один выход – нужно срочно обратиться к профессионалам. И, как ни странно, один знакомый профессионал в этой области у меня был.

– Тогда не домой... тогда к Жанке...

– К кому? – переспросил Порфирьич.

– Не важно... просто отвези меня... – и я назвала ему адрес Жанкиного салона.

Пока ехали, я молчала, потому что пыталась позвонить Жанке. Ее телефон не отвечал, и это хорошо, стало быть, Жанка работает – стрижет клиентку или красит. Если не работает, она всегда ответит на звонок, даже ночью.

Жанка – моя близкая подруга. Близкая и единственная, других у меня нету. Причем близкая – это не значит, что мы проводим вместе много времени, ходим в сауну, на фитнес, болтаем в кафе и ездим в отпуск на море. На море мы вообще ездили только в детстве с мамой, а потом у меня обнаружилась аллергия на солнце, так что я провожу отпуск на даче. Или вообще его не беру.

В сауну я не хожу, потому что в тесной жаркой кабинке у меня начинается паника и сердце норовит выскочить из груди. Все остальное... тоже найдется какая-нибудь причи-

на. Кроме того, Жанка много работает, ей некогда по кафе рассиживаться.

Знакомы мы с Жанкой с двенадцати лет, познакомились в детском лагере, куда в свое время меня отправила мама, чтобы я, по ее выражению, изжила свои комплексы в коллективе сверстников.

Что из этого вышло... Я сжала кулаки так сильно, что ногти больно врезались в ладонь. Нет, сейчас не время для воспоминаний. Особенно таких. И без того тошно.

– Приехали! – сквозь гул в ушах пробился голос Порфирьича. – Вон он, твой салон.

На мое счастье, Жанка была в салоне одна.

У них заведение и так небольшое – то ли два, то ли три мастера, не считая хозяйки, да и те приходят не каждый день, а только когда клиентка записана.

Поэтому Жанка, открыв мне дверь, проговорила:

– Ну, Ворона, повезло тебе, что ты меня застала! Я уже уходить хотела на перерыв! Домой надо сбегать, Кешка что-то приболел.

Кешка – это Жанкин младший брат, которого мать ее родила, когда Жанке было двадцать, так что Жанка испытывает к нему почти материнские чувства.

– А что это у тебя на голове? – удивилась Жанка. – Ты что – с рокерами связалась?

– Жанка, выручай! – и я сняла бандану.

– Ох, ни фиги себе! – Жанна всплеснула руками. – Как это

тебя угораздило?

– Не спрашивай! Просто скажи – можно с этим что-нибудь сделать, или прямо идти на Неву топиться?

– Учитывая твое место работы, не на Неву, а на Мойку. Но вообще – не волнуйся, я из тебя сделаю человека!

– Мне уже страшно...

– Не дрейфь, прорвемся! – Жанка, как обычно, была полна кипучего энтузиазма.

Она усадила меня в кресло, осмотрела со всех сторон.

– Да, ты теперь не просто Ворона, а Ворона после купания...

– Может, не надо этого?

– Ладно, приступаем...

Для начала она вымыла мне голову – но зеленая гадость осталась, только пошла пятнами.

– Что же это такое? – удивленно протянула Жанна, снова осматривая мою голову.

– Сказали – какой-то суперклей... – уныло пробормотала я.

– Придется кое-что состричь... вот здесь убрать, и здесь... вообще тебе давно пора изменить имидж!

Это верно, Жанка давно предлагала сделать мне стрижку, химическую завивку, выкрасить волосы перьями или хотя бы тонировать. Но мама утверждала, что при моей внешности чем незаметней я буду выглядеть – тем лучше. Стало быть, нужно закрутить волосы в кичку, чтобы в глаза не бросаться.

– А иначе никак нельзя? – заныла я.

– Нельзя! Ты же не хочешь на всю жизнь остаться болотной кикиморой? Или вонять растворителем, хотя я не знаю, какой растворитель это возьмет!

– Не хочу!

– Тогда раз – сиди, и два – молчи! Хотя разговаривать можно, только не критиковать мою работу!

Она состригла несколько прядей, еще раз пригляделась, и снова взялась за ножницы.

– Эй, подруга, ты меня совсем без волос оставишь! Меня мама домой не пустит!

– Я же тебе сказала – молчать!

Она обстригла меня очень коротко, а потом густо намазала голову краской.

– Эй, насчет краски мы не договаривались...

– Молчать! Я лучше знаю, что нужно делать с твоими волосами! Иначе пришлось бы стричь тебя вообще налысо! Ты хочешь явиться к маме лысой?

– Ой, нет... – всерьез испугалась я.

Она намазала меня краской и отступила:

– Ну вот, теперь сиди полчаса, пока краска не возьмется! Разговаривать можно!

Я обиженно замолчала, не спросив даже, в какой цвет Жанка решила меня покрасить. Все равно теперь...

Жанка достала пачку сигарет, закурила, предложила мне.

– Нет, ты с ума сошла! Мама меня убьет, если почувствует

запах табака!

Честно говоря, курить я пробовала пару раз, и мне совершенно не понравилось, так что тут я отговорила мамой просто по привычке, чтобы не вдаваться в подробности.

– Ну, не хочешь – как хочешь! А теперь рассказывай, что с тобой случилось!

Я только открыла рот, как в дверь салона позвонили.

Жанна взглянула на часы и озабоченно проговорила:

– Наверное, клиентка раньше пришла. Она должна была прийти к трем, а сейчас еще только четверть третьего... ладно, не волнуйся, я с тобой все закончу, а она пока кофе выпьет...

Она прошла к двери, щелкнула замком...

И отлетела назад.

В салон ввалились два жутких типа – небритые, покрытые татуировками. Один из них, пониже ростом, был с бритой головой, у второго сальные волосы собраны в конский хвост.

При виде их я сжалась в комочек и едва не сползла под кресло. Жанна же не показывала признаков страха.

Незванные гости огляделись, и один из них, бритоголовый, проговорил сиплым голосом:

– А где Василиса?

– Василиса? – переспросила Жанна. – Нету ее... она только завтра будет...

– Завтра? Ну и черт с ней! Мы с тобой разберемся! Выкладывай нам всю кассу, а Василисе привет передашь от Ко-

стяна! Так и скажешь – Костян заходил, привет передавал! – Парень издевательски хохотнул. – Раз не хочет по-хорошему платить – придется по-плохому! Ну, что стоишь? Я сказал – выкладывай кассу!

– Ребята, – проговорила Жанна примирительным тоном, – какая касса? У меня сегодня клиентов не было...

– Кончай заливать! – оборвал ее бритоголовый. – Сказал – открывай кассу...

– Ну ладно, как скажешь... – Жанна, у которой в руке все еще тлела сигарета, переложила ее в левую руку, а правой выдвинула ящик рабочего столика. Оттуда она почему-то достала небольшой серебристый баллончик – лак, что ли?

Она нажала на кнопку, из баллончика вырвалось облачко, и тут Жанка поднесла к нему тлеющую сигарету.

Облачко вспыхнуло, теперь из баллончика вырывался ослепительный сноп пламени.

Жанка шагнула к бандюганам и направила пламя на них. Зрелище было потрясающее. Глаза Жанны горели, волосы развевались, перед ней полыхало пламя. Прямо огнедышащий дракон из сказки.

– Ты чего?! – вскрикнул бритоголовый, пятясь. – Ты совсем одурела, что ли?

– Пошли вон! – выпалила Жанка, надвигаясь на гостей.

Длинноволосый выступил вперед – но Жанна направила пламя на него. Конский хвост вспыхнул, бандит заверещал как резаный и вылетел из салона, второй последовал за ним.

Жанна невозмутимо захлопнула за ними дверь, заперла на замок и перевела дыхание:

– Ну Василиса, ну зараза... наверняка знала, что они придут, и подставила меня!.. Подмениться предложила, ей, дескать, на косметическую процедуру надо... Ну устрою я ей завтра процедуру!

Она повернулась ко мне и удивленно проговорила:

– Ой, у тебя брови опалились! Как же так – ты вроде в стороне сидела... ну да ладно, с твоими бровями так и так нужно было что-то делать, это же ужас...

Говорила я или нет, что внешность у меня самая незаметная – волосы не то светлые, не то пепельные, а может, просто сивые, брови и ресницы белесые. И если ресницы я все же подкрашиваю, то с бровями ничего не делаю, мама говорит, что мне лучше, когда все естественно. Сейчас в зеркале я увидела, что брови и правда опалены.

Вот как, скажите на милость, такое могло выйти? Жанке, которая находилась в эпицентре пожара, хоть бы что, а у меня вот брови сгорели... Ну, такое, видно, мое счастье. Со мной всегда так. Но сейчас меня волновало другое.

– Эти уроды ведь, наверное, снова придут?

– Не-а! Им друг перед другом неудобно будет, что от девчонки убежали, и больше они не сунутся! Ой, уже полчаса прошло, пора твою краску смывать!

Как ни в чем не бывало она снова занялась моей головой, и через двадцать минут из зеркала на меня смотрел совсем

другой человек. Незнакомый человек.

Волосы Жанка выкрасила цветом, который назывался «золотистый каштан». Не то чтобы совсем рыжие, но золотистый оттенок там несомненно присутствовал.

Под цвет волосам Жанка выкрасила брови коричневой краской, отчего глаза стали казаться больше, выразительнее и даже таинственно блестели. Но возможно, так мне показалось в зеркале. Стрижка была очень короткой (иначе никак нельзя, извинялась Жанка), и от этого на лице резче выступили скулы.

– Ну как?

– Просто не знаю, что тебе сказать, – честно ответила я, – непривычно как-то.

– Привыкнешь! – отмахнулась Жанка. – А как отрастут волосы, я тебе фирменную стрижечку сделаю.

От денег она, разумеется, отказалась, так что я дала себе слово буквально завтра купить Кешке дорогую игрушку. Как я уже говорила, Жанка обожает своего братишку и балует его почем зря.

Тут в дверь позвонила очередная клиентка, и я с тяжелым вздохом отправилась домой. Что-то скажет мама?..

Вернувшись домой, я надеялась незаметно проскользнуть в свою комнату, чтобы мама не заметила мою новую прическу.

И это мне даже удалось.

В квартире было тихо, мать сидела в своей комнате, отту-

да доносилось негромкое бормотание включенного телевизора. Ага, значит, она разговаривает по телефону, она всегда телевизор включает, чтобы не слышно было.

Мелькнула мысль, зачем она это делает, в квартире живем только мы вдвоем, домработница Валентина приходит три раза в неделю на полдня, так что большей частью в квартире никого нету. А если я есть, то зачем скрывать что-то от родной дочери?

Странно, я никогда раньше не задавалась этим вопросом. Но сейчас я так устала, что было неохота искать ответы.

Я пробралась к себе, тихонько прикрыла за собой дверь и перевела дыхание.

Кажется, на этот раз обошлось...

Я чувствовала себя как мышка, пробравшаяся в свою норку мимо караулящего ее кота. Мама придет в ужас от моей прически, я стану оправдываться, придется ей рассказать о случившемся в Михайловском замке... нет, у меня просто нет сил. Сегодня был такой длинный день: сначала та жуткая история в замке, потом – нападение двух мелких бандитов в салоне у Жанки.

Кстати, вот интересно: конечно, я испугалась этих двоих, но не впала в свое обычное паническое состояние. Сердце не билось у горла, уши не заложило, дыхание не перехватило... ну да, такое со мной бывает только в замкнутом пространстве. В крошечной кладовой, в чулане, когда накрывают пыльным балдахином...

Ладно, не нужно об этом думать, а лучше лечь спать, отложив разбирательство с мамой до утра.

Но тут я почувствовала, как у меня подвело живот.

Ну да, у меня ведь с самого завтрака крошки во рту не было... да и завтрак-то был чисто символический... По утрам я могу только выпить чаю с тостом, самое большое – бутерброд, поэтому мама не встает, чтобы проводить меня на работу, раз не надо завтрак готовить. Но сейчас есть хотелось ужасно.

И я решилась совершить вылазку на кухню.

Чтобы проскользнуть туда бесшумно, я даже сняла тапочки и пошла босиком. Прокралась мимо материнской комнаты, вошла на кухню, не зажигая света, открыла холодильник, умудрившись сделать это удивительно тихо, достала оттуда сыр, ветчину. Соорудила себе большой калорийный бутерброд, и уже предвкушала, как укроюсь в своей комнате и в тишине расправлюсь с этим бутербродом...

Я уже представляла, как вонзаю в него зубы... мой рот наполнился слюной...

Как тут в дверях кухни раздался мамин голос:

– Ты пришла, доча? Ты здесь чай пьешь? А что же ты меня не позвала? Посидели бы вместе, поговорили, ты рассказала бы мне, как прошел твой день... А что ты сидишь в темноте?

Она щелкнула выключателем – и кухню залил яркий свет. Мама стояла в дверях, моргая, привыкая к этому свету...

И вот она привыкла к нему – и разглядела меня. В первый

момент в глазах у нее я увидела удивление, как будто она меня не узнала. И даже рот раскрыла, чтобы спросить, кто это торчит у нее на кухне. Потом до нее дошло, что это все же ее собственная родная дочь. И тут в глазах у нее появился самый настоящий страх.

А потом... потом мелькнула злость. Ну да, я знаю свою мать с детства (моего, разумеется) и прекрасно изучила все ее взгляды и движения. И характер тоже.

Скажу сразу, характер у мамы, скажем так, непростой. Но ко мне она всегда относилась хорошо. Так что насчет ненависти мне, конечно, показалось. Тем более что теперь мама выглядела просто очень расстроенной. И проговорила с совершенно другой, неласковой, раздраженной интонацией:

– Боже мой, Вера, что ты с собой сделала?!

Тут я проявила малодушие и попыталась свалить на кого-то свою очевидную вину:

– Мам, это меня Жанна постригла... и покрасила...

– Но зачем? С чего вдруг тебе вздумалось сделать из себя этакое... этакую...

Она остановилась на полуслове, но я ведь за то время, что мы прожили вместе, довольно хорошо ее изучила, и сейчас прекрасно поняла, что она имела в виду. «Этакое чучело»! «Этакую уродину»!

Настал мой черед удивляться. Я хоть и ожидала от нее реакции, но не такой же! Впрочем, возможно, я ошибаюсь, она же не сказала этого вслух. И я решила спустить все на

тормозах.

– Мам, ну что ты, ей-богу! Ну волосы же не зубы, отрастут быстро. Жанка сказала...

– Ну понятно! Кто бы сомневался? Все плохое в твоей жизни исходит от этой особы! Сколько раз я говорила тебе – она тебе совершенно не подходит! Она совершенно не твоего круга... не нашего круга! Она вульгарная, начисто лишенная вкуса, чувства стиля... сколько раз я говорила тебе, что от нее нужно держаться подальше...

А сколько раз я слышала уже все это от нее! Но не слушала ее и не собираюсь рвать с Жанкой.

– Но, мама, она – моя единственная подруга! Других у меня просто нет!

– Лучше никаких подруг, чем такая! – сурово отчеканила мама. – Скажи мне, кто твой друг, – и я скажу, кто ты! Сколько я помню, эта Жанна – она вечно втягивает тебя в какие-то неприятности!

Мама строевым шагом приблизилась ко мне, уставилась на меня в упор, при этом машинально, не глядя, взяла с тарелки приготовленный мной бутерброд и так же машинально, не замечая, откусила от него добрую половину.

Я с грустью проследила за бутербродом.

На какое-то время бутерброд заставил ее замолчать, и я попыталась выскользнуть с кухни. Черт с ним, с бутербродом, лучше лягу спать на голодный желудок...

Но мама ловким финтом перегородила мне дорогу, про-

глотила кусок и снова заговорила:

– Она всегда приносила тебе одни неприятности... но сегодня превзошла саму себя! Что она с тобой сделала? Это ужасно! Это возмутительно!

Мама перевела дыхание и продолжила:

– Тебе, с твоей внешностью, нужно стараться быть незаметной, чтобы твои недостатки не бросались в глаза. А она сделала так, что теперь все будут на тебя пялиться! И все твои недостатки будут выставлены напоказ! Один этот нос... боже мой, что за нос! Как у Буратино! И эта стрижка делает его еще заметнее!

– Но, мама, что уж такого страшного... и нос не такой уж длинный... кроме того, теперь глаза кажутся больше, и нос не так заметен, так Жанка сказала...

– Не перебивай меня! Кто, кроме меня, скажет тебе правду? Ведь только я действительно желаю тебе добра, только я стараюсь все сделать, чтобы ты была счастлива! А для того, чтобы быть счастливой, нужно трезво оценивать свои возможности! Нужно видеть свои достоинства и недостатки!

Договорив эту тираду, она откусила еще кусок бутерброда и на время замолчала, так что я смогла вставить хоть слово.

– Достоинства? – удивленно переспросила я.

Кажется, первый раз мама упомянула мои достоинства. Интересно, о чем это она?

И мама тут же все объяснила:

– Конечно, и достоинства! Они есть у всех, и ты – не ис-

ключение! К твоим достоинствам относится...

Она задумалась и думала довольно долго, видимо, ей не приходило в голову ничего, что можно было посчитать моим достоинством. Или она просто пережевывала бутерброд.

Наконец она все же выдала:

– К примеру, скромность. Это, несомненно, достоинство, и ты должна ее культивировать.

– Да культивирую я, культивирую... – тоскливо проговорила я, мечтая, чтобы это скорее кончилось.

– И правильно делаешь! Но вот эта твоя стрижка... ее никак не назовешь скромной! Она привлекает к тебе излишнее внимание, а это то, что тебе совершенно не нужно!

Тут мама заметила остаток бутерброда в своей руке и горестно проговорила:

– Ну вот, не хотела же есть так поздно, но ты меня так расстроила, что я на нервной почве что-то съела. А есть перед сном вредно. Ты совсем обо мне не думаешь, а кто у тебя есть, кроме меня?

Да, тут она права. Кроме нее, у меня никого нет. Ну, еще, конечно, Жанка...

Мама с чувством горького самопожертвования доела бутерброд и проговорила печально:

– Как же неблагодарна молодость! Она думает, что все еще впереди и все можно исправить. Что можно есть на ночь, не думая о лишних килограммах и о холестерине, что можно безнаказанно экспериментировать над своей внешностью...

а исправить можно далеко не все... вот что теперь делать с твоими волосами? Допустим, перекрасить в более приличный цвет их можно, я завтра же позвоню Тамаре Васильевне, но с этой ужасной стрижкой ничего не поделаешь...

Тамара Васильевна – это мамина парикмахерша. Когда-то, в незапамятные времена, она работала в специальной парикмахерской при обкоме партии и все время об этом вспоминает. Мама к ней ходит уже много лет и страшно этим гордится. Меня в детстве тоже к ней водили, и я вспоминаю те времена с ужасом.

Тамара Васильевна бесконечно вспоминала о том, жены каких людей к ней ходили. Перечисляла фамилии, которых я знать не знаю. Потом добавляла, что волосы у этих жен были отвратительные – буквально три волосины в четыре ряда, и только она, Тамара Васильевна, своим мастерством могла сделать из них что-то приличное. Скажу сразу, я ей не верила, так не бывает, что все клиенты без волос, зачем тогда в парикмахерскую ходить?

В общем, потом мама решила, что мне нужно отращивать волосы, и походы в парикмахерскую прекратились.

Чтобы как-то увести разговор от Тамары Васильевны и вообще сменить тему, я сказала:

– Представляешь, мама, сегодня меня послали сделать материал о новой выставке в Михайловском замке, а там, на этой выставке, вместо восковой фигуры оказался труп. Представляешь – настоящий труп одного музейного сотруд-

ника.

– Как?! – Мама, по-моему, не столько удивилась, сколько возмутилась. – Труп? Какой ужас! А мне говорили, что эта ваша газета – приличное место! Что она освещает события культурной жизни и предназначена в основном для приличной, интеллигентной публики!

– При чем здесь наша газета? – вступилась я за «Мойку». – Меня и послали, чтобы описать событие культурной жизни, открытие выставки, а труп там появился совершенно неожиданно, он не был предусмотрен программой.

– Но согласись, это закономерно, что он появился именно тогда, когда туда отправили именно тебя! Тебя, а не кого-то другого! Такая уж ты у меня... – Мама шагнула ближе и протянула руку, чтобы погладить меня по голове. Отчего-то в данный момент мне было неприятно ее прикосновение.

С грустью оглянувшись на холодильник, я решила, что лучше идти спать, авось не умру от голода до утра.

Удалось протиснуться мимо мамы и скрыться в ванной. Там я еще раз разглядела себя в зеркале.

Вот что хотите делайте, но мне начинал нравиться мой новый образ. Глаза блестели под темными бровями, короткие волосы задорно топорщились, губы улыбались. Жанка сказала, чтобы я выбросила свою бледно-розовую помаду и купила что-то поярче. Пожалуй, так и нужно сделать, не слушать маму. Я повернулась в профиль. И нос вовсе даже не длинный, самый обычный, вот.

Я чуть приоткрыла дверь ванной. Очевидно, маме надоело меня караулить, и она ушла в свою спальню.

Я тоже тихонько проскользнула к себе. Спать отчего-то совсем не хотелось, но я легла, потому что больше нечего было делать – на кухню-то не сунешься.

Тут за дверью слышались осторожно приближающиеся, крадущиеся шаги.

Я закрыла глаза и отвернулась к стене.

Дверь открылась, и вошла мама.

– Ты не спишь? – спросила она, подходя к кровати. – Спишь? Ну ладно, спи... господи, ну до чего же ты на него похожа!

Вот новость! На кого это я похожа? Получается, что на отца; во всяком случае, на маму точно никогда не была я похожа – ни в раннем детстве, ни в юности, ни сейчас.

Про сходство с отцом тоже не было раньше и речи. Помню, была у меня няня Зинаида, я звала ее Сина. Так вот она все шутила, что, мол, удалась девчонка ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца. Я была очень мала тогда и подтекста этой прибаутки не понимала, а потом Зинаиду уволили.

И вот мама явилась ко мне в комнату на ночь глядя, чтобы сообщить мне эту новость. Нашла время...

Что было в ее голосе – жалость? Неприязнь? Разочарование? Точно не знаю, но знаю, что ничего хорошего.

Мама вышла, и я, как ни странно, почти тут же заснула. Снился мне странный, тягостный сон.

Мне снилось, что я иду по бесконечному полутемному коридору с низким сводчатым потолком, скорее даже не коридору, а подземному туннелю.

Я иду по нему долго, бесконечно долго, надеясь, что в конце этого коридора будет свет, воздух, будет свобода. Но он все не кончается и не кончается...

Наконец впереди показалась развилка.

Я подхожу к ней и останавливаюсь в растерянности: куда идти – направо или налево?

Я заглядываю в правый коридор, в левый...

И вижу, что по нему удаляется от меня человек в старомодной одежде, со свечой в руке.

Я окликаю его:

– Эй, постойте, скажите, где здесь выход?

Но незнакомец не останавливается, он медленно идет, шаркая ногами...

Я бросаюсь следом за ним – догнать и спросить, как выйти из этого подземелья?

Он идет медленно, и я наконец догоняю его.

– Постойте! Скажите...

Закончить я не успеваю.

Незнакомец поворачивается ко мне – и я вижу, что это Бурнус, наш главный редактор.

– Платон Яковлевич, – говорю я ему смущенно и растерянно. – Это вы?

Тут же мне приходит в голову, что нет более глупого и

бессмысленного вопроса. Что он может ответить – это не я?
Тогда я спрашиваю другое:
– Как отсюда выйти?
Он ухмыляется и шепчет:
– Никак! Ты не выйдешь отсюда, пока не напишешь статью! Пока не сдашь ее в печать!
– Какую статью? – спрашиваю я испуганно.
– Ты знаешь, какую! Десять тысяч знаков, с фотографиями!
– Но о чем?
– О чем? Да вот же о чем! – Он показывает пальцем на каменную стену коридора, и я вижу, что на этой стене написано красным два слова – *Долгота дней...*

Курносый мальчик переставил еще несколько оловянных солдатиков с левого фланга на правый и отступил на шаг, чтобы полюбоваться своим произведением.

Яркое закатное солнце проникло в оконный переплет, озарило стол с солдатиками.

Получилось красиво, очень красиво... блестящие шапки кирасир сверкали на солнце, гранадеры примкнули штыки, brave бомбардиры заряжали пушки...

Все как один! Все как один! Послушные его воле, одинаковые, неразличимые!

Мальчик представил, что, когда он вырастет и займет трон, полагающийся ему по праву рождения, он будет рас-

ставлять на плацу живых солдат... это куда интереснее, чем играть с оловянными солдатиками!

Дядька, присматривающий за цесаревичем, старый унтер-офицер Семеновского полка, который мирно дремал в кресле, вдруг встрепенулся, вскочил, выпучил глаза и выпалил:

— Государыня!

И правда, дверь распахнулась, и на пороге появилась полная круглолицая эсеница в пышном платье. За ее спиной, как всегда, виднелись несколько статных офицеров.

Государыня прищурилась на солнце, оглядела комнату.

— Маменька, поглядите, как красиво! — Мальчик шагнул было к матери, но остановился на полпути, наткнувшись на ее холодный, неприязненный взгляд.

Императрица повернулась к кому-то из своих спутников и проговорила, чуть понизив голос:

— До чего же он похож на отца! И так же глуп... вечные игры, игрушки...

— Но он еще мал, матушка государыня! — ответил статный красавец в гвардейском мундире. — Ему это простительно... все дети в его возрасте играют в солдатиков.

— Вечно ты его защищаешь, *mon cher*... — Императрица скользнула по комнате равнодушным, неприязненным взглядом и вышла, захлопнув за собой дверь.

Дядька перевел дыхание и снова опустился в кресло.

Мальчик смахнул со стола десяток оловянных фигурок.

Когда же он займет подобающее ему место!

Тогда все эти лохотные красавицы из маменькиной свиты вспомнят этот день! Он смахнет их с дворцового паркета мановением руки, как этих ни в чем неповинных солдатиков!

Шаги императрицы и ее спутников затихли в дворцовых анфиладах. Солнце переместилось, и в комнате цесаревича стало темнее. Пожалуй, пора велеть дядьке зажигать свечи...

Тут дверь снова открылась – на этот раз тихо, деликатно, и на пороге появился человек с длинным породистым лицом, в старомодном жемчужно-сером камзоле.

*Дядька вскочил, удивленно вытаращился на незнакомца:
– Как? Кто пустил? Кто позволил?*

Но тот только небрежно махнул рукой, щелкнул пальцами – и старый унтер упал обратно в кресло и замер, глядя перед собой пустыми оловянными глазами.

– Кто вы, сударь? – спросил цесаревич с непонятной робостью.

– Друг, ваше высочество. Преданный друг.

– Но почему я прежде не видел вас?

– Потому что прежде это было небезопасно. У вас есть не только друзья, но и враги, многочисленные враги, есть завистники и недоброжелатели...

О, это цесаревич знал! Знал даже слишком хорошо! Все эти красавицы из маменькиной свиты... на словах заступаясь за Павла, они за спиной смеялись над ним, унижали его.

— Ваше высочество, вас ждет великое будущее! — продолжал незнакомец. — Вы станете во главе могучей империи. Но я хочу открыть вам тайну...

— Тайну? — переспросил мальчик, и глаза его загорелись. — Я очень люблю тайны!

— Это прекрасно! Итак, вам следует знать, что помимо государей, о которых знают все, помимо королей, императоров и других владык, в круг которых вы со временем войдете, есть еще одна власть — тайная, могущественная, проникающая во все дворы Европы... власть подлинная, древняя...

— Что же это за власть? Католическая церковь?

— О нет, что вы, ваше высочество! Католическая церковь, конечно, влиятельна, но она не проникает всюду. Есть ведь и протестантские государства, среди них такие сильные, как Швеция и Пруссия, есть и православная Российская империя...

— Тогда о чем же вы говорите?

Незнакомец огляделся.

В комнате темнело, по углам клубились неясные тени. Дядька был неподвижен, кажется, он даже не дышал.

— Вы достаточно подросли, ваше высочество, чтобы хранить тайну. — И с этими словами незнакомец достал из рукава своего камзола маленькую эмалевую табакерку.

Павел почувствовал легкий укол разочарования — у маленьки был целый шкаф таких табакерок, и они его ничуть не интересовали. Не то что хорошие солдатики...

Но незнакомец отщелкнул ногтем крышку табакерки, и на мгновение Павел ослеп от сияния.

В табакерке был крест – но не такой, к каким цесаревич привык, не Андреевский, какой украшал его парадный камзол, не Георгиевский и не Анненский. Концы этого креста изящно расширялись и раздваивались подобно ласточкину хвосту, в нем была та благородная симметрия, какая всегда нравилась цесаревичу.

Крест был украшен драгоценными камнями, но не это было в нем самым важным.

– Возьмите этот крест, ваше высочество. Возьмите его и храните как зеницу ока. И никому не показывайте, особенно государыне, вашей матушке...

– Что это за крест?

– Этот крест – знак той тайной власти, о которой я вам говорил. Со временем вы встанете во главе не только обширной Российской империи, но и во главе другой империи, у которой нет границ, нет пределов. Империи, распространившей свое влияние на все европейские дворы... да и не только европейские! Эмиссары этой империи есть даже при дворе турецкого султана, и влияние их там огромно!

– Что же это за империя? Скажите мне, наконец! Должен же я знать, какую власть вы мне сулите!

– Тогда мне придется начать издалика... из тьмы веков. Даже не веков, а тысячелетий.

Много тысяч лет назад жрецы египетского бога Пта-

ха, бога, покровительствующего правде и порядку, учредили тайную организацию, целью которой было поддержание справедливого порядка в Египте и сопредельных странах.

Да, вы не ослышались, ваше высочество – у этой организации были эмиссары и в Ассирии, и в Вавилоне, и в Хеттском царстве.

– Я знаю про Египет, это страна пирамид... слышал о Вавилоне и Ассирии, но что это за Хеттское царство?

– Вам еще многое предстоит узнать, ваше высочество! У вас впереди долгая жизнь, полная славных деяний. А сейчас я продолжу свое повествование...

Помимо поддержания порядка и справедливости, древнее общество собирало знания. Знания о мире, об его устройстве. Знания о небесных светилах, о растениях и животных, о ядах и целебных снадобьях, о странах и населяющих их народах. Но самое главное – тайные знания о древних магических искусствах, которые позволяли укреплять и расширять власть общества.

Прошли столетия, и слава Египта померкла, а власть фараонов пала под ударами фаланг Александра Македонского. В мире многое переменилось, но тайное общество, созданное жрецами Птаха, сохранилось и продолжало свою незаметную работу.

Менялось его название, менялись правила, но одно оставалось неизменным – целью этого общества было служение порядку и справедливости, а главным способом этого слу-

жения было кропотливое, неустанное собирание знаний.

Прошли еще века, сменились властители, сменились боги. Власть в мире перешла к Римской империи. Но тайное общество, созданное в Египте, служило прежним целям. Теперь его представители были среди римских сенаторов и вельмож, даже некоторые императоры служили древнему обществу.

В мире появилась новая могущественная сила, новая вера – христианство.

И участники древнего общества увидели, что в этой вере многое совпадает с их идеалами.

С тех пор все члены этого общества стали христианами, они встали под знамена Римской церкви, и в одиннадцатом веке от Рождества Христова с соизволения Папы основали новый рыцарский орден – Гостеприимный орден Святого Иоанна, иначе – орден рыцарей-госпитальеров...

– Так вы говорите о Мальтийских рыцарях! – догадался цесаревич. – Я слышал о них много хорошего. Вообще, только они в наше скучное время сохранили подлинные идеалы рыцарства!

– Совершенно верно, ваше высочество. Сейчас госпитальеров часто называют Мальтийскими рыцарями, поскольку в нашей прямой власти остался только этот благословенный остров, жемчужина Средиземного моря – Мальта. Но на самом деле тайная власть нашего древнего ордена простирается по всей Европе, и даже по всему миру. И сей-

час, ваше высочество, я предлагаю вам присоединиться к нашему благородному делу...

– Всею душой согласен!

– Я не сомневался в вашем согласии, потому что знал – в вас живет душа подлинного рыцаря. И поэтому я с легким сердцем передаю вам этот священный крест, символ нашего древнего общества.

Господин посерьезнел и добавил:

– Только должен еще раз предупредить вас – у нашего общества много врагов, поэтому вам никому не следует рассказывать о нашей встрече и в особенности не следует показывать этот крест.

И имейте в виду, ваше высочество: этот крест убережет вас от любой опасности, но только в том случае, если вы его сохраните в целости. Берегите его как зеницу ока и никому не показывайте! Этот крест – ваша священная тайна!

– Не сомневайтесь, сударь! – пылко воскликнул Павел. – Я сумею сохранить эту тайну!

– Теперь я покину вас, ваше императорское высочество, но имейте в виду – я всегда буду рядом с вами и вы всегда можете рассчитывать на мою помощь!

С этими словами незнакомец отступил в полутьму, и черты его начали тускнеть.

– Постойте, сударь! Как мне следует называть вас?

– Магистр! – раздался едва слышимый ответ.

И тут же незнакомец исчез – как будто его и не было в

этой комнате, как будто он привиделся цесаревичу.

Павел оглянулся на дядьку.

Тот все еще сидел, тупо глядя перед собой.

Павел торопливо открыл шкатулку, в которой хранил своих оловянных солдатиков, вытащил оттуда последних гренадер и мушкетеров, поднял суконный коврик, покрывающий дно шкатулки, и положил под него крест. Затем вернул суконку на прежнее место и набросал поверх нее десяток солдатиков.

Едва он закончил эту нехитрую процедуру, старый унтер пошевелился, зевнул и виновато проговорил:

— Что-то меня сморило... а ведь темнеет уже, надобно, пожалуй, свечи зажечь!

Я проснулась вся в поту, влажная простыня сбилась в комок. Кое-как я расправила ее, снова легла и, как ни странно, опять заснула.

Проснулась по будильнику, быстренько приняла душ и поехала на работу. Вышла пораньше, чтобы зайти в кафе и позавтракать. Есть хотелось ужасно, так что обычный тост и чашка пустого чая совершенно не решали проблемы.

Можно, конечно, сделать себе большой калорийный бутерброд или поджарить яичницу из трех (!) яиц, а также сварить большую чашку кофе с молоком, но мама учует запах жареного или проснется от шума кофеварки и явится на кухню. Снова начнет обсуждать мою новую прическу, в резуль-

тате не удастся толком позавтракать или же я вообще опоздаю на работу.

Так что я прошла два квартала и возле метро зашла в сетевое кафе. Народу по раннему времени там было немного, люди быстро пили свой утренний кофе и убегали.

Я заказала завтрак, потому что официантка клялась и божилась, что приготовят его быстро. И не обманула.

Когда я увидела огромную тарелку с омлетом, а еще там были грибы, маринованный огурчик и помидоры, то в глубине души шевельнулось былое чувство. Говорила уже, что утром не могу съесть ничего, кроме пустого тоста и чашки жидкого чая.

То есть так было раньше. Вот как будто что-то блокировало горло и пищевод, не могла ничего проглотить.

Сейчас я прислушалась к себе и сглотнула. Не было ничего, кроме ужасного всепоглощающего желания есть. Причем как можно больше.

Не успев удивиться по этом поводу и едва держа себя в руках, чтобы не наброситься на еду с голодным рычанием, как волк на отбившуюся от стада овцу, я мигом смолотила (это выражение моей няни Сины, что-то частенько я стала ее вспоминать) завтрак, запила все большой чашкой капучино и побежала на работу.

К счастью, я пришла в редакцию первой и проскользнула в свой уголок, так что никто не заметил моей новой прически и не стал ее обсуждать... до поры до времени.

Потому что примерно через час из кабинета Главного до-
несся, как всегда, недовольный, сиплый голос Бурнуса:

– Вороновская! Зайдите!

Похоже, для меня началась новая жизнь. Главный не толь-
ко вспомнил о моем существовании, но завел привычку вы-
зывать меня каждое утро.

На этот раз я не стала испытывать его терпение и сразу же
отправилась в кабинет.

При этом мне пришлось пройти мимо стола Натэллы Ва-
сильевны.

Натэлла увидела меня – и челюсть у нее отвисла. Вот чест-
ное слово, всегда думала, что это – образное выражение, но
в данном случае челюсть у Натэллы отвисла так сильно, что
подбородок находился в области декольте, и я разглядела да-
же, что вместо своих зубов у нее протез. Натэлла по моим
глазам что-то поняла, спохватилась и постаралась закрыть
рот, но это ей не удалось, протез застрял.

Это было мне на руку: с отвисшей челюстью она ничего
не смогла сказать, и я без помех добралась до кабинета Бур-
нуса, краем глаза заметив, что Натэлла пытается задвинуть
челюсть на место.

Бурнус оторвался от компьютера, увидел меня... и его
круглые очки свалились на стол. Бурнус громко сглотнул,
надел очки и еще раз внимательно взглянул на меня.

– Да я это, я! – поспешила я развеять отпечатавшиеся на
его лице сомнения.

– М-да... – протянул Бурнус. – Действительно вы... а раз так – вот вам задание. Поезжайте в Михайловский замок...

У меня на мгновение возникло ощущение дежавю – точно то же самое он говорил мне вчера. И чем это кончилось...

– Я там уже была.

– Я в курсе. Потому вам и карты в руки. Поедете туда снова и подробно разузнаете, что выяснилось за это время. Узнаете все, что можно, о жертве преступления, о том, как продвинулось следствие, найден ли виновный... в общем, все, что можно. С вами поедет Порфирьич, он сделает фотографии. Жду от вас статью примерно на десять тысяч знаков, с фотографиями...

Он говорил ровно то же самое, что во сне! Бывает же такое!

Я уже хотела что-то ответить, но тут на столе у Бурнуса зазвонил телефон.

Главный редактор снял трубку, поднес к уху и тут же отодвинул ее подальше, потому что голос в трубке был очень громкий и резкий. Хотя и женский.

– Газета «Помойка»? – гаркнул этот голос.

– «Мойка», – привычно возразил Бурнус.

– Не важно. С вами говорит следователь Камнеломова. Мне поручено дело об убийстве в этом... как его... в общем, в музее. Поэтому хочу вас предупредить – никаких публикаций без моего ведома, и самое главное – никаких фотографий.

– Но наши читатели ждут информацию...

– Подождут. Дело серьезное, так что имейте в виду – все согласовывать лично со мной! Поняли?

– Понял... – вздохнул Бурнус. – Это всё?

– Нет, не всё. Вчера в этом... музее была ваша сотрудница Сорочинская...

– Вороновская, – машинально поправил Бурнус.

На этот раз собеседница приняла его слова к сведению:

– Как? Вороновская? Ага, значит, пропуск нужно переписать... так вот, ей предписывается явиться ко мне на дачу...

– На дачу? – удивленно переспросил редактор. – За город?

– Какой загород? На дачу показаний! Сталепрокатный проспект, дом двадцать семь, кабинет номер двести семнадцать... явиться немедленно... не-мед-лен-но!

Продиктовав Бурнусу адрес, собеседница отключилась.

Редактор тяжело вздохнул и повернулся ко мне:

– Планы меняются. Сейчас вам придется вместо Михайловского замка ехать совсем в другой замок... вас вызывают на дачу показаний к следователю Камнеломовой...

Он продиктовал адрес, но под конец добавил:

– Когда освободитесь, все же поезжайте в музей и постарайтесь что-то разузнать. Так сказать, приватно...

– С Порфирычем?

– Порфирыч отменяется. Фотографий не будет. Но статью на десять тысяч знаков я все же жду.

Однако когда я вышла из кабинета Бурнуса, Порфирыч

перехватил меня.

– К следователю вызывают? – спросил он вполголоса.

Надо же, уже вся редакция в курсе!

– Имей в виду, не говори следователю ничего лишнего!

Отвечай на вопросы односложно: да – нет, ничего не видела, ничего не знаю.

– Но я действительно ничего не видела и ничего не знаю...

– Вот-вот, такой линии и держись! Еще скажи, что если что и видела, то ничего не помнишь. Все забыла. Отшибло память у тебя после стресса, ясно?

– Ясно... А тебя тоже вызывают?

– На допрос нет, велели просто все снимки сдать. У них, понимаешь, фотограф в отпуске, вместо него – стажер, а у него техника фиговая. Так эта Камнеломова решила моими руками жар загребать. Отдай, дескать, все снимки. Да сейчас, спешу и падаю! Дал ей парочку, остальные, сказал, за-светил с перепугу.

– Неужели она поверила?

– Да нет, – вздохнул Порфирыч, – это такая баба... ты с ней поосторожнее.

Я быстро собралась и отправилась на Сталепрокатный проспект. Настроение у меня было хуже некуда – меня еще ни разу в жизни не вызывали на допрос. Или на дачу показаний – вряд ли одно от другого сильно отличается.

Говорила уже, что я робкая, боязливая, плохо схожусь с

людьми, теряюсь, когда со мной разговаривают грубо. А если еще загнать меня в маленькое душное помещение, то вообще могу потерять сознание. А уж ничего путного точно не расскажу этой самой... Камнеедовой, то есть тьфу! – Камнеломовой. Впрочем, без разницы.

Нужный мне дом оказался мрачной каменной машиной конца девятнадцатого века. При входе у меня потребовали паспорт, нашли мою фамилию в списке и выписали одноразовый пропуск.

Я поднялась на второй этаж, нашла двести семнадцатый кабинет и постучала.

Из-за двери донесся резкий голос:

– Обождите!

Возле двери стоял одинокий стул. Я села на него и приготовилась к длительному ожиданию.

Впрочем, особенно долго ждать не пришлось.

Дверь распахнулась, оттуда вышла заплаканная женщина средних лет. Бросив на меня сочувственный взгляд, она сказала: «Заходите!» – и понурясь удалилась по коридору.

Я осторожно вошла в кабинет и по привычке огляделась. Помещение оказалось не таким маленьким, как я ожидала, и довольно много света попадало сквозь чисто вымытое окно. На окне стоял даже цветок в горшке. Это был кактус, но все же я порадовалась, что в этом месте мне не станет плохо.

Радость моя продержалась недолго – до тех пор, пока я не увидела хозяйку кабинета.

За большим столом, перед высокой стопкой картонных папок, сидела женщина лет сорока с лишним и что-то писала. При моем появлении она не оторвалась от своего занятия и ничего не сказала. Я же использовала это время, чтобы как следует ее разглядеть.

Что вам сказать? Черты лица у нее были крупные, а глаза, наоборот, маленькие и очень колючие. Волосы уложены тугими скрученными прядями, чувствовалось, что она держит их в ежовых рукавицах, чтобы не смела вылезти ни одна прядка. Спина у следователя была не то чтобы прямая, но какая-то монолитная. В общем, следователь Камнеломова полностью соответствовала своей фамилии.

Она писала еще несколько минут, наконец закончила, убрала исписанный лист в картонную папку и открыла следующую папку из стопки.

Только после этого она подняла на меня колючий взгляд и строго проговорила:

– Нехорошо! Очень плохо! Вы должны были знать, что нарушаете закон!

– Нарушаю закон? – испуганно пискнула я. – Какой закон я нарушила?

– Вот только не надо дурочку валять! Можно подумать, вы не знаете, что нанесение тяжких телесных побоев противозаконно! Конечно, свекрови всякие бывают, вас где-то можно понять, но тяжкие телесные побои – это уже перебор!

Мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног, что

я попала в фильм абсурда.

– Не понимаю, о чем вы... у меня и свекрови-то нет... я вообще не замужем...

– Как – нет? – женщина недоверчиво уставилась на меня. – Вы ведь Пантелеева?

– Нет, я Вороновская!

– Вороновская? Не может быть...

– Да честное слово, Вороновская! Вот мой паспорт, посмотрите, если не верите!

Я положила на стол свой паспорт. Хозяйка кабинета брезгливо взяла его двумя пальцами, как опасное насекомое, открыла на первой странице, взглянула, потом перевела взгляд на меня – должно быть, сличила с фотографией, затем хмыкнула:

– Что-то вы на себя не похожи!

– Это фотография такая, – заторопилась я, – у меня тогда волосы длинные были...

– Действительно, Вороновская... значит, это не та папка...

Она отложила одну папку, взяла другую, третью... наконец, лицо ее посветлело, она кивнула:

– Ага, действительно, Вороновская... вы, значит, у нас пока проходите как свидетель по делу об убийстве в музее!

– Что значит – пока? – удивилась я.

– Пока – значит, пока! – отрезала женщина, взяла со стола карандаш и что-то подчеркнула в папке.

Затем она строго взглянула на меня и проговорила ледяным начальственным голосом:

– Итак, вы были первой, кто нашел труп гражданина Верещагина.

– Но я там была не одна! Нас было несколько человек! Мы все его видели!

– Может быть, и все... и мы всех непременно опросим. Но все остальные – сотрудники музея, они там находились по служебной надобности, в отличие от вас...

– Я тоже по служебной. Я там находилась по заданию редакции, мне поручили написать заметку об этой инсталляции.

Камнеломова сделала пометку в своей папке и продолжила с того же места:

– Значит, в свое время мы всех опросим. А сейчас я опрашиваю вас, так что извольте отвечать.

– Да я и отвечаю...

– Что конкретно вы увидели на месте преступления?

– Несколько восковых фигур, воссоздающих сцену убийства Павла Первого.

– Убийство! – повторила следователь, округлив глаза. – Что вам известно об этом убийстве? Оно произошло там же, в музее? Виновные найдены? Понесли наказание?

– Нет, они легко отделались.

– Почему?

– Во-первых, это убийство произошло двести с лишним

лет тому назад...

– Двести лет... срок давности... – пробормотала Камнеломова вполголоса. – Ладно, с этим потом... так что это за сцена?

– Заговорщики... то есть их восковые фигуры стоят над телом императора Павла... который оказался вовсе не Павлом, а сотрудником музея...

– Что-то вы, Вороновская, путаетесь в показаниях!

– Но так и есть... в общем, все было очень натуральное, поэтому сразу мы не поняли, что труп настоящий, а когда поняли...

– Ага, вот тут свидетель сообщает, что вы очень эмоционально реагировали на этот труп, сломали и уронили на себя ценный музейный экспонат...

Интересно, какой это свидетель? Небось, тот противный тип, замдиректора. Неужели хочет на меня все свалить? То есть не убийство, а порчу имущества. Тоже мне, ценный экспонат, балдахин пыльный!

– А как я должна была реагировать? Я труп увидела! Вот если бы вы увидели этот труп...

Тут я перехватила презрительный взгляд Камнеломовой и поняла, что сказала ерунду. Она этих трупов повидала столько... трупом больше, трупом меньше – ей это нипочем.

– Кроме того, я страдаю клаустрофобией... – неохотно призналась я.

– Чем? – переспросила следователь и машинально отодви-

нулась от меня.

– Клаустрофобия – это боязнь тесного, замкнутого пространства. Я не могу находиться в тесном помещении, даже в лифте не могу ездить... у меня начинается сердцебиение, головокружение, одышка...

Камнеломова еще немного отодвинулась и опасно спросила:

– Это не заразно?

– Наука на этот счет еще не определилась! – ответила я мстительно.

Надо же – кажется, эта железная женщина боится заболеть! Да ее ни один вирус не возьмет! И любая бактерия у нее в организме вымрет!

– Так вот, – продолжила я немного бодрее, – мне и в спальне императора было нехорошо, а когда на меня свалился балдахин, у меня началась настоящая паническая атака...

Камнеломова поморщилась, потом снова сверилась с папкой и продолжила:

– Свидетель показывает, что после того, как вы обрушили музейный экспонат, вы уединились в соседней комнате. Что вы там делали?

– Пыталась привести себя в порядок. Дело в том, что на меня упало ведро с клеем, волосы слиплись, я была в таком ужасном виде, и хранительница впустила меня в туалетную комнату. Там я попыталась привести себя в приличный вид, но ничего не вышло...

Камнеломова выслушала меня, внимательно оглядела, и тут глаза ее сверкнули, она снова придвинулась ближе, забыв о своих страхах перед моей клаустрофобией:

– Вот там... свидетель показывает, что вы заявили, будто там, в туалетной комнате, вы кого-то увидели. Кого именно? Расскажите об этом подробно.

– Да никого я там не видела! – отмахнулась я.

– А свидетель показывает, что вы говорили... вы знаете, Вороновская, что за дачу ложных показаний полагается срок, и довольно большой? Если вы кого-то или что-то видели, вы должны мне немедленно об этом сообщить! Возможно, это важная деталь! Возможно, вы видели там убийцу!

– Да говорю же вам – никого я не видела! Мне просто показалось! Я же вам сказала, что была не в себе после приступа, да там вообще душно, у меня голова кружилась, вот и померещилось что-то.

– Что именно?

– Ну... мне померещилось, что у меня за спиной стоит мужчина в старинной одежде, со свечой в руке...

– А вы можете дать его подробное описание? Можете составить его фоторобот?

– Да нет, конечно! Я же говорю – мне померещилось, и то мельком! Вы лучше хранительницу спросите, эту... Леокадию Львовну. Она говорит, что там, в музее, многие видят привидение императора... вот они вам и дадут описание, и фоторобот составят!

Тут я вспомнила о кольце, которое нашла в туалетной комнате, и собралась рассказать о нем следователю.

– Спросим, непременно спросим! – Тут Камнеломова опомнилась, сломала карандаш и бросила его обломки на стол.

– Что вы такое говорите? Что вы несете? Какое привидение? Мы в двадцать первом веке живем! Я вас предупреждала об ответственности за ложные показания!

Казалось, сейчас она набросится на меня с кулаками.

Я тут же передумала рассказывать ей про кольцо – черт ее знает, что ей придет в голову. Еще обвинит меня в сокрытии важной улики. А то еще в краже... нет, правильно говорил Порфирыч – не надо говорить ничего лишнего!

– Больше я ничего не видела! – ответила я как можно тверже и решила на этом стоять. До конца. Вот пускай хоть в камеру сажает – больше ничего не скажу!

Камнеломова успокоилась, видимо, сама поняла, что слишком разошлась. А возможно, она все же хорошо разбиралась в человеческой природе и решила, что раз я ушла в несознанку, то ничего она у меня не узнает. Хотя, если честно, то и узнавать-то нечего.

– Ладно, – сказала она сухо. – Давайте ваш пропуск. Можете быть свободны, но никуда не уезжайте из города. Вы нам можете еще понадобиться.

Я вылетела из кабинета, вышла из здания, сдав пропуск, и направилась в редакцию.

Там я первым делом встретила Порфирыча, который отирался у двери, карауля меня.

— Ну что? — спросил он, отведя меня в уголок. — Как все прошло? Как тебе следователь?

— Суровая тетка! — ответила я честно. — Велела мне из города никуда не уезжать.

— Ну, это обычная практика. Ты, главное, ничего лишнего не сказала?

— Да нет... да мне и говорить-то нечего было.

Тут я хотела рассказать Порфирычу о кольце, но его отвлек звонок телефона.

Я прошла в свой уголок в надежде пересидеть там в тишине до конца рабочего дня и спокойно подумать над статьей, которую ждет от меня Бурнус. Вот что мне писать? С чего начинать? Как пришли мы с Порфирычем в музей? И что там увидели? Я даже не знаю, кто такой был убитый, вроде бы фамилия его Верещагин, зовут Александр Павлович, а дальше...

Тут рядом зазвонил редакционный телефон. Натэлла Васильевна сняла трубку, послушала и недовольным голосом окликнула меня:

— Вера, тебя просят! Вообще, отвечай сама на звонки своих знакомых! Я не твой секретарь!

— Как вы себя чувствуете? — спросила я. — Протез не беспокоит?

И обомлела: что я делаю? Зачем говорю человеку гадо-

сти? Никогда за мной такого не водилось раньше. С другой стороны, Натэлла уже всех достала своим ворчанием, даже Порфирьич с ней поругался. А уж он-то со всеми умеет ладить.

Было очень забавно наблюдать, как изменилось выражение ее лица. Обычно злое и недовольное, теперь же на нем проступила обида, а потом не то чтобы страх, но некоторая затравленность.

«То-то же», – сказала я ей глазами и отвернулась.

Я взяла трубку в недоумении: у меня и знакомых-то раздва и обчелся, и никому из них я не давала номер редакции. Если я кому-то нужна, мне звонят на мобильный.

Голос сперва показался мне незнакомым. Тихий шелестящий голос пожилой женщины спросил:

– Это Вороновская?

– Да, это я. А с кем я разговариваю?

– Это Леокадия Львовна. Мы с вами встречались в Инженерном замке, когда... когда там нашли... когда там случилось сами знаете что.

Ну, она могла бы и не уточнять. Не так часто мне попадаются люди с таким именем, чтобы забыть ее.

– Да, Леокадия Львовна, – ответила я вежливо. – Конечно, я помню. Слушаю вас...

– Извините, что беспокою вас... вы оставили визитную карточку, я нашла там этот телефон... мне нужно вам кое-что рассказать... кое-что важное...

– Что именно?

– Извините, но это не телефонный разговор. Лучше бы нам встретиться...

Я вспомнила, как Порфирьич мне говорил, что главное в работе репортера – уметь слушать, вылавливать любую информацию, не отказываться от встреч и разговоров, даже если они не кажутся важными и перспективными. Тем более что Бурнус ждет от меня статью, а я не знаю, с чего ее начать.

– Ладно, – сказала я, – я подъеду к вам в музей.

– Ой, нет! – испуганно возразила Леокадия Львовна. – В музей нельзя, здесь и стены имеют уши!

Вот еще новость. То у нее призраки по дворцу расхаживают, то у стен уши растут! Я подумала, что у старушки развивается паранойя. Но не стала с ней спорить.

– Хорошо, тогда где?

Она понизила голос – хоть и так говорила еле слышно.

– Давайте встретимся через час в Михайловском саду, на скамейке против пруда.

– Через два!

Я выключила компьютер, собралась и отправилась на встречу, бросив попавшемуся в дверях Порфирьичу, что иду разговаривать со своим источником. Он усмехнулся и пожелал мне ни пуха ни пера.

Лишний час я использовала для того, чтобы пройтись по магазинам. Мне нужна была помада и еще кое-что из косметики. Мой новый образ требовал подтверждения.

Скажу честно: кажется, впервые за всю жизнь я получила удовольствие от похода по магазинам. Обычно мы посещали их вместе с мамой, она сама все выбирала, сама разговаривала с продавцами, а я мечтала только об одном: чтобы эти мучения поскорее закончились. Мерить одежду я не могу – в тесной кабинке сразу становится плохо, и мысль только одна – поскорее отсюда уйти. Так что мама иногда сама покупала мне то, что считала нужным.

Сейчас же я выбрала большой магазин с кондиционером и вежливыми продавщицами. Девушка любезно принесла мне штук десять тюбиков, и я выбрала два цвета. Один – для вечера, как она сказала, можно поярче. Я не стала объяснять, что почти никуда не хожу вечером, так что вряд ли понадобится эта помада. Но мне сделали скидку, так что пришлось взять две помады, да еще тени в подарок дали.

Глянув напоследок на себя в зеркало, я заметила некоторый диссонанс. То есть к новой прическе и макияжу совершенно не подходила моя прежняя одежда.

Эта блеклая курточка вполне уместна была на мымре с зализанными в кичку сивыми волосиками, но теперь... откуда она вообще взялась в моем гардеробе? Мама принесла... серенькая такая, в глаза не бросается... И джинсы какие-то старомодные, сейчас такие не носят.

Жанка пробовала мне что-то на эту тему говорить, но я отмахнулась. С мамой спорить – себе дороже, она всегда права и желает мне только хорошего. Как же иначе? Ведь она же

моя родная мать, я у нее единственная, у нас больше никого нет, как она повторяет мне частенько.

И это правда: к тому времени, как умер отец, его родители тоже были мертвы, я не помню своих бабушек и дедушек. Мама же говорила, что порвала с семьей, потому что они очень плохо приняли ее решение выйти за отца замуж. Братьев-сестер у нее нету, отец с матерью давно в разводе, так что и порывать-то особенно было не с кем. Я интересовалась этим вопросом в детстве, потом перестала.

И с Жанкой не обсуждала ни свою мать, ни свою одежду, ни вообще нашу жизнь. Кстати, надо бы ей позвонить, спасибо сказать.

Тут я вспомнила, что собиралась купить для ее братика игрушку, и поднялась на третий этаж торгового центра, где были детские магазины. Я выбрала для Кешки шикарную пожарную машину, там если нажать кнопку, то включались фары, и громко гудела сирена, и выпускалась лестница, и даже пять фигурок пожарных поднимались по ней с крошечным шлангом наперевес. Вот сама бы играла, до чего интересно!

Тут я взглянула на часы и поняла, что опаздываю на встречу с Леокадией Львовной. Нехорошо заставлять пожилого человека ждать.

И я побежала вниз. В этом торговом центре лестницу никогда не найти, посетители пользуются эскалаторами. Я спустилась на второй этаж, обежала кругом и когда спускалась на первый, то на параллельном эскалаторе, идущем наверх,

увидела очень знакомое лицо. И не только лицо, но и фигуру и одежду. Это была моя мама... ну да, ее летний костюм, который ей очень шел, ее тщательно уложенные волосы и ее духи, запах которых настиг меня мимоходом. Я уже открыла рот, чтобы позвать ее, но тут мы разминулись, и я, вытянув шею, успела только увидеть, что, сойдя с эскалатора, мама, оглянувшись по сторонам, вошла в сетевое кафе, что располагалось на втором этаже. Вот бы здорово сейчас к ней подсесть, выпили бы кофе, поболтали... Но часы в холле первого этажа показывали, что я этого сделать никак не могу, только-только успею на встречу. К тому же меня несколько удивило, что мама оглянулась, войдя в кафе, как будто опасалась, что ее увидят. Но возможно, мне просто показалось.

Михайловский сад был полон гуляющей публики. Мамочки с колясками, влюбленные парочки, одинокие старушки прогуливались по дорожкам.

Я нашла скамейку возле пруда, но на ней не было Леокადии Львовны. Вместо музейной старушки на скамье сидел представительный старик с густой седой шевелюрой, который с важным и сосредоточенным видом кормил голубей.

Я огляделась по сторонам, и вдруг услышала из-за кустов приглушенный голос:

– Я здесь!

Я пошла на этот голос, свернула с дорожки и увидела за кустом персидской сирени Леокадию Львовну. Старушка

манила меня к себе. Узнала я ее с трудом, потому что на Леокадии были темные очки и панاما защитного цвета, которую она надвинула низко на лоб.

Надо же, до чего глазастая старушенция! Запросто узнала меня с новой прической! Вот что значит старая гвардия!

– Занял, понимаете, нашу скамейку! – проговорила она обиженным тоном. – Но это ничего, здесь даже лучше, здесь нас никто не заметит и не подслушает.

Она показала на скамейку, укрытую среди кустов.

Ну точно, у старушки паранойя! В шпионов на старости лет играет! Не зря темные очки надела и шляпу эту жуткую! Конспирация, значит...

Я решила подыграть ей, опасливо огляделась по сторонам и только после этого села на скамейку.

Леокадия примостилась рядом со мной, сняла очки, проницательно взглянула на меня и проговорила:

– Вы, небось, думаете, что я свихнулась на старости лет?

Надо же, она мысли, что ли, читает?

– Нет, – поспешно возразила я, – конечно, нет! У меня и в мыслях такого не было!

Получилось фальшиво.

– Да ладно вам, я все понимаю. И правда, кому нужно за мной следить?

Действительно, кому?

Я это только подумала – но Леокадия снова как будто услышала мои мысли и ответила на них:

– Ему, Попеляеву!

– Кому? – переспросила я.

– Попеляеву! – повторила Леокадия. – Это наш заместитель директора, вы его видели!

Я вспомнила человека, который привел нас в спальню императора. Пренеприятный тип... Вроде бы Иваном Антоновичем он представлялся. Значит, Попеляев. Фамилия какая-то скользкая...

– Зачем это ему?

– Хороший вопрос... Наш директор... Анна Ивановна Сергеева – ученый с мировым именем, но сейчас она в Канаде, читает лекции в университете Торонто. А Попеляев в ее отсутствие забрал всю власть в свои руки и разошелся. А в музее стали происходить странные вещи...

Она вдруг замолчала, словно к чему-то прислушиваясь.

– Странные вещи? – повторила я ее последние слова, чтобы поторопить Леокадию.

– Тс-с! – она прижала палец к губам.

– Что такое?

– Там кто-то есть! – она показала на кусты позади нашей скамейки.

– Кто там может быть?

Но тут кусты и правда зашевелились, и оттуда выбежала собака – джек-рассел-терьер с красным мячиком в зубах.

– Ах, вот это кто! – Леокадия Львовна облегченно вздохнула. – Собачка...

Терьер остановился перед нашей скамейкой, положил мячик на землю и выразительно посмотрел на нас.

Леокадия Львовна наклонилась, подняла мяч и бросила его подальше. Терьер с радостным лаем бросился за ним и вскоре исчез за кустами.

– Итак, вы говорили, что в музее стали происходить странные вещи, – напомнила я. – Какие именно?

– В музее стали появляться незнакомые люди...

– Незнакомые? Но в музее бывают посетители!

– Что, вы думаете, я не отличу посетителя? Во-первых, они ходят только по той части замка, где расположен выставочный комплекс, а эти люди появлялись в служебных помещениях. Во-вторых... ну, это просто видно!

Она ненадолго замолчала, к чему-то прислушиваясь.

– Но вы говорили, что в замке время от времени появляется привидение. Так, может, это было оно?

– Ох, что вы, девушка! Вы что, считаете, что я не отличу привидение от живого человека? Уж как-нибудь отличу! Привидение ходит бесшумно, оно как бы и не ходит, а плывет над полом, и может просочиться даже сквозь закрытую дверь. А эти люди ходили как все, пол под ними скрипел, и двери они открывали...

– И что – только вы их замечали?

– Да нет, конечно! Почти все наши сотрудники. Я даже сказала как-то Попеляеву – Иван Антонович, у нас в музее появляются посторонние люди! Но он так на меня зыркнул,

что отбил всякую охоту задавать вопросы.

– А с другими сотрудниками вы это не обсуждали?

– Покойный Верещагин... он незадолго до смерти так и сказал мне – Леокадия Львовна, у нас в замке что-то происходит! Я спросила его – что именно? А он мне ответил, что пока не хочет что-то говорить, не хочет бросаться обвинениями, сначала должен сам убедиться. И тут-то с ним и случилось... вы сами видели что.

– То есть вы считаете...

– Я считаю, что Верещагин что-то узнал, и его за это убили!

– Так, может, нужно рассказать об этом полиции?

– Ой, нет, что вы! – Леокадия Львовна замахала руками. – Я же ничего толком не знаю, одни разговоры и намеки! В полиции меня и слушать не станут! К тому же там эта женщина...

– Камнеломова...

– С ней вообще невозможно разговаривать!

Я представила, как Камнеломова сидит за своим столом и слушает рассказы Леокадии о привидении в замке, и невольно пожалела старушку.

Тем не менее мне хотелось спросить ее – а от меня-то вы чего хотите?

А она снова как будто прочитала мои мысли:

– Вы ведь журналист, репортер. Выяснять всякие сомнительные обстоятельства – это ваша работа.

Ну, в общем, она права... тем более что Бурнус поручил мне написать статью, а материалов для нее никаких нет.

Но ввязываться в такое запутанное дело мне не очень хотелось...

— Я хочу вам кое-что показать! — проговорила Леокадия взволнованно.

— Но вы же говорили, что не хотите появляться со мной в музее, — напомнила я ее слова. — Говорили, что там и у стен есть уши.

— Да, но только в рабочее время, — ответила она, — а если вы придете вечером, там почти никого нет, и я могу провести вас в служебные помещения замка и показать вам странные вещи...

Что-то мне в ее предложении не нравилось. Приключения — это не для меня, во всяком случае так говорит мама. Опять же шляться по пустым помещениям замка... поймите меня правильно, в то, что там бродит призрак покойного императора, я, конечно, не верю, но не помню, говорила я или нет, что я ужасно боюсь темноты. То есть умом-то я опять-таки понимаю, что никакие монстры не выскочат на меня из темного угла, но ничего не могу с собой поделать. Как только я остаюсь в помещении без света, на меня тут же нападает страх. Такой, что сердце с размаху ухает вниз, желудок сводит судорогой, как будто я проглотила комок колючей проволоки, руки становятся ватными, а ноги невозможно оторвать от пола, поскольку к каждой привязано ядро, как у ка-

торжников в Средние века.

Так что никакого желания бродить с Леокадией Львовной вечером по музею я не испытывала.

Но с другой стороны... Бурнус ждет статью, а тут хоть будет что описать! Да и потом – что может случиться со мной в музее? Ну не царит же там крошечная тьма, все же какое-то освещение есть...

Правда, с Верещагиным-то случилось, и случилось самое плохое... но эту неприятную мысль я постаралась отогнать от себя.

– Ладно, – сказала я, – когда и куда мне прийти?

– Приходите к девяти вечера к боковому фасаду со стороны Михайловского сада. Там стоит такая полосатая будка, так я вас буду ждать возле нее... к этому времени в музее уже никого не должно быть.

На том мы и распрощались до вечера. Леокадия отправилась в музей, а я не спеша прогулялась по Михайловскому саду в раздумьях, куда мне идти. Если в редакцию, то скоро конец рабочего дня, и к тому же главный редактор, который раньше в упор меня не видел, отчего-то начал испытывать ко мне интерес, так что вполне возможно, что он снова вызовет меня в кабинет и спросит, как продвигается статья. А мне сказать нечего. Так что лучше в редакцию не ходить. А идти домой.

Правда, мама обязательно спросит, куда это я намылилась вечером, но можно сказать, что к Жанке. Кстати, я позвони-

ла Жанке на предмет подарка, она сказала, что будет в салоне только завтра, чтобы я занесла и оставила у заведующей. Василиса уволилась, и теперь в салоне все тихо и спокойно. Или же завтра она будет с утра, у нее клиентка попросилась к девяти.

Дома я застала только домработницу Валентину, которая удивилась, что я так рано, а также оценила мой обновленный вид.

– Давно пора! – сказала она. – А то ходила, как мымра какая-то, кто тебя бы такую замуж взял?

– Да я замуж не собираюсь... – привычно отмахнулась я.

– А зря! – припечатала Валентина. – Потом спохватишься, да поздно будет. Тебе сколько, двадцать семь?

– Ну да...

– Самое время!

Забыла сказать, что Валентина работает у нас уже много лет и всегда знает, как лучше. Удивительно только, как они ладят с мамой.

Вот кстати...

– Валь, а мама говорит, что я на отца похожа, это точно?

– Ну... – Она посмотрела искоса, потом пошла в мамину спальню и вернулась с фотографией. Это был портрет моего отца в серебряной рамке. Портрет не слишком удачный, какой-то официальный.

Отец смотрел прямо в объектив очень серьезно, без наме-

ка на улыбку. То ли освещение было неудачное, то ли фотограф плохой, но видно было, что отец очень устал.

И если вы думаете, что это фото стояло у матери на тумбочке возле кровати, то глубоко ошибаетесь. Где уж нашла его Валентина, я не знаю, но серебряная рамка потемнела от времени.

Я внимательно рассмотрела отцовский портрет и не нашла никакого сходства со мной. Немолодой усталый человек, волосы седые, заметные залысины на лбу.

Я прислушалась к себе и не нашла никаких ростков дочерней нежности. Когда отец умер, мне было шестнадцать лет, но я не помню, чтобы в детстве он проводил со мной много времени. На море мы ездили только с мамой, в выходные его тоже не было. Он много работал, мало бывал дома.

Возможно, я и пыталась в очень юном возрасте как-то приласкаться к отцу, но, судя по всему, эти попытки мои быстро пресекли, и я не настаивала.

Так что смерть отца я восприняла довольно спокойно. Мама, кстати, тоже; во всяком случае, я не помню, чтобы она плакала.

– Тут, конечно, ничего не понять, – сказала Валентина, переводя взгляд с меня на портрет, – тут он немолодой уже. Нужно ранние снимки найти, где он в юности. Вроде бы на антресолях альбом есть...

С этими словами она засобиралась домой, напоследок налив мне тарелку куриного супа. Она варит не бульон, а гу-

стой наваристый суп с картошкой и вермишелью, так что получается вместе первое и второе. Вкусно...

Я съела полную тарелку и захотела добавки. Просто удивительно, какой у меня в последнее время аппетит.

Тут в кухню вошла мама, а я и не слышала ее прихода.

Мама, видно, привыкла уже к моему новому образу, поэтому только слегка поморщилась.

– Тебе тарелку поставить? – спросила я, чтобы отвлечь ее.

– Я не хочу есть, – ответила она и налила себе стакан минеральной воды.

– Ах, ну да, ты же в кафе была... – Я отвернулась было, но тут же подскочила на месте, поскольку бутылка воды выскользнула у нее из рук и покатилась по полу, облив мне ноги.

– Что такое?

Мама даже не обратила внимания на то, что уронила бутылку и что вода из стакана льется на стол. Она смотрела на меня... глаза у нее были просто дикие.

– Мам, ты что? – я подбежала к ней. – Тебе плохо?

– Отстань! – Она вырвала свой локоть. – Не трогай меня! Как ты посмела за мной шпионить!

– Что-о? – Я отскочила, потому что испугалась, что она меня ударит. – Да вовсе я за тобой не шпионила, я просто случайно видела тебя, когда мимо проезжала на эскалаторе в торговом центре...

– Да? А что ты там делала днем? Может быть, ты уже дав-

но работу бросила? Может быть, ты уже зарабатываешь чем-то другим, в таком-то виде?

Голос у нее был какой-то чужой – визгливый, надрывный. И сама она выглядела непривычно – вроде бы костюм тот же самый, и макияж ее, но некрасиво кривился рот, и глаза совсем дикие, и смотрят на меня с самой настоящей ненавистью.

Если бы такое случилось раньше, буквально позавчера, то я бы испугалась, забилась в угол, потом постаралась спустить все на тормозах и сама же еще просила у мамы прощения. Характер у нее не то чтобы взрывной, но трудный; бывало, что она срывалась и кричала на меня. Но чтобы с такой ненавистью...

Мимоходом я прислушалась к себе и поняла, что несколько перед ней не виновата, а значит, и скандал устраивать незачем.

– Успокойся, мама, – сказала я строго, – возьми себя в руки. И не надо на меня кричать. Меня вовсе не касается, с кем ты была в кафе, я за тобой не следила...

Тут я заметила, что она меня не слышит, что мои слова просто до нее не доходят, потому что она продолжала орать, накручивая себя:

– Намазалась, как потаскуха дешевая! А все эта твоя Жанка. Все зло от нее, все твои проблемы! Это она тебя с толку сбивает! Работает в паршивом салоне, там и денег-то кот наплакал, так она... – Дальше пошли неприличные слова.

В первый момент я удивилась, потому что никогда такого от мамы не слышала. Потом я разозлилась, схватила тарелку и бросила ее на пол. Тарелка со звоном разлетелась на множество осколков. Мама смотрела на них, открыв рот. Тогда я бросила на пол другую тарелку. И мама отступила к дверям.

– Никогда! – раздельно произнесла я. – Никогда не смей говорить о Жанне такими словами. Она мне жизнь спасла! Если бы не она, меня бы уже не было, ты понимаешь?

– Да брось ты! – Мама осторожно переступила через осколки тарелок и собиралась выйти, но меня уже понесло.

– А может быть, ты именно этого и хотела? Иначе зачем ты послала меня в этот дурацкий лагерь? Может быть, тебе было бы лучше, если бы меня не было?

– Не болтай глупостей! – Мама пришла в себя и выглядела вполне обычно.

– Нет, послушай, – не успокаивалась я, – если я тебя раздражаю, если я мешаю тебе, может быть нам лучше пожить отдельно? Разменяем эту квартиру, продадим дачу...

Скажу сразу, я вовсе не собиралась так делать, просто болтала, что в голову взбредет, поскольку очень рассердилась на маму за Жанку. Не стоило ей награждать мою подругу такими эпитетами. Тем более что все это неправда.

Но мама отреагировала на мои слова неадекватно. Она жутко испугалась. Вот вы не поверите, но в глазах ее мелькнул самый настоящий ужас.

– Нет-нет! – На неверных ногах она сделала шаг вперед. –

Что ты, зачем ты так? Я, конечно, погорячилась, но беру свои слова назад! Мы не должны разлучаться! Ведь ты – единственное, что у меня есть, то есть мы вдвоем есть друг у друга...

Как-то не очень сочетались ее слова с выражением лица. А на лице у нее я прочитала только растерянность и злость. Конечно, она пыталась взять себя в руки, но я-то хорошо знаю свою маму, прожила с ней всю жизнь.

– Ладно, – сказала я примирительно, – мы обе погорячились, оставим это.

– Ты не всерьез? – она подошла ближе, наступая на осколки тарелок. – Ты ведь не хочешь разъехаться?

– Нет, конечно. – Я погладила ее по плечу, что далось мне не слишком легко.

Вот не хотела я никакой ласки в данный момент. А если честно, то мы редко с мамой нежничали. Даже в детстве, может быть, когда я совсем маленькая была...

Вот няня Зина меня часто тискала, щекотала, подбрасывала на руках, играла «в лошадки»... Хорошая была няня, лет до шести у нас работала. Потом мама отдала меня в частный садик, потом – в школу. Зину к тому времени уволили, и из школы забирала меня изредка Валентина, когда мама была занята. Школа тоже была частная, классы маленькие, учителя в основном следили за тем, чтобы дети не переутомлялись и чтобы родители не жаловались.

Мною не слишком в школе интересовались – ни учите-

ля, ни ученики. Робкая, пугливая, необщительная девочка. Некрасивая к тому же, и никаких особенных способностей, кому такая интересна?

Как видите, я насчет себя никогда не обольщалась.

– Вера, очнись! – Мама осторожно высвободила свое плечо, и я осознала, что стою с ней рядом и молчу уже минут пять.

– Извини, задумалась просто! – Я отвернулась и пошла в кладовку за веником.

– Не трогай, я сама! – Мама забежала вперед. – Ты такая неловкая, неуклюжая, обязательно что-то случится! Порежешь руку или поскользнешься!

Я не стала спорить и ушла к себе, хотя не помню, чтобы я падала на ровном месте или резалась осколками. Но если правду сказать, до сегодняшнего дня я не была тарелки. Вот интересно, что об этом скажет Валентина...

У себя в комнате я включила компьютер и задумалась. Крути не крути, а статью с меня спросят. Так что нужно писать. Только непонятно, с чего начинать. И я решила записать все, что случилось со мной за последние два дня. При чем писать все, а потом уже решу, что включать в статью, а что – нет.

Итак, я написала про газету и про то, как главный редактор послал меня в Михайловский замок, но тут пришлось отвлечься от темы, чтобы объяснить, как я попала в эту газету и почему я так удивилась, что главный вспомнил о моем

существовании.

У меня клаустрофобия, я плохо схожусь с людьми, не могу проехать в лифте, боюсь оставаться в темном помещении... про это я уже говорила. Не говорила только, отчего все это со мной случилось. То есть предпосылки были и раньше, так что то, что случилось со мной в детском лагере, упало на благодатную почву.

В тот год мы с мамой часто ссорились. Помню, что она все время была мной недовольна, ругалась, кричала. Помню, что я тоже все время с ней спорила, пыталась возражать, настаивать на своем. Что ж, мне было двенадцать лет, подошел подростковый возраст, очевидно, я тоже была не подарок.

В общем, мама сказала, что терпение ее лопнуло и что в отпуск со мной она не поедет, что ей нужно отдохнуть от семьи. А меня она отправит в детский лагерь на месяц, там я побуду в коллективе, успешно изживу свои комплексы и стану наконец нормальным человеком. А если не изживу, то хотя бы хамить матери перестану.

С отцом мы этот вопрос не обсуждали, он в то время часто ездил в командировки – то в Москву, то еще куда-то по России. Как я уже говорила, мое воспитание он полностью доверил матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.